СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXXXIV, № 1.

СѢВЕРНЫЙ КРАЙ

и

ЕГО ЖИЗНЬ.

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по сѣверной части Архангельской губерніи.

Художника Н. А. Шабунина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1908. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

Молодой, безвременно скончавшійся (27 февраля 1907 г.), художникъ Николай Авенировичъ Шабунинъ былъ тихій, непритязательный, въ глубокомъ смыслѣ слова «симпатичный», чисто-русскій человѣкъ. Онъ былъ серьезный труженикъ, прекрасный живописецъ, надѣленный чистою струею художественнаго творчества, родникомъ высокихъ мотивовъ. Русское искусство потеряло въ немъ едва начавшаго слагаться творца, а русская жизнь искренняго, скромнаго, но настойчиваго дѣятеля, который въ избранной имъ средѣ могъ получить большое значеніе. Уроженецъ Архангельской губерніи, Шабунинъ беззавѣтно любилъ свой угрюмый край, ежегодно туда возвращался и, пріѣзжая въ Петербургъ, привозилъ цѣлую выставку этюдовъ, большихъ рисунковъ, съ любопытными эскизами деревянныхъ церквей, погребенныхъ подъ снѣгомъ кладбищъ, необыкновенно декоративныхъ этюдовъ и набросковъ своеобразной жизни, обычаевъ и обрядовъ сѣверныхъ инородцевъ. Все это осталось едва начатымъ, не исполненнымъ и даже не законченнымъ.

Николай Шабунинъ былъ сынъ священника изъ Мезенскаго уѣзда Архангельской губерніи, родился 6 апрѣля 1866 года, поступилъ по экзамену въ 1886 году вольнослушателемъ въ Академію Художествъ; затѣмъ принятъ ученикомъ мастерской профессора И. Е. Рѣпина; конкуррировалъ на званіе художника въ 1898 году, удостоенъ этого званія, и съ того же времени началъ свои ежегодныя художественныя поѣздки исключительно на сѣверъ для работъ. Этому сѣверу, его суровымъ тундрамъ онъ посвятилъ затѣмъ лучшіе свои годы, и не только въ своихъ художественныхъ работахъ, но даже и въ рефератахъ, старался охарактеризовать первобытный складъ жизни русскихъ и инородцевъ, зарисовать и снять памятники церковной старины, утвари и записать характерныя бытовыя черты отдаленныхъ сѣ-

верныхъ захолустьевъ. Въ виду исключительныхъ климатическихъ условій этого края, онъ уѣзжалъ туда еще ранней весною, пользуясь саннымъ путемъ, на лошадяхъ и оленяхъ, чтобы побывать въ тѣхъ, отовсюду изолированныхъ мѣстахъ, куда можно проѣхать только зимой, какъ, напримѣръ, въ Канинскую и Малоземельскую тундры. Свой собственный край онъ старался сдѣлать извѣстнымъ въ своихъ этнографическихъ рефератахъ. Этнографическій Музей Академіи Наукъ много пріобрѣталъ отъ него.

Изъ оставленныхъ художникомъ произведеній слѣдуетъ упомянуть на первомъ мѣстѣ историческую картину «Отъѣздъ Суворова въ Швейцарскій походъ изъ села Кончанскаго въ 1799 году», воспроизведенную мозаикою въ размѣрѣ болѣе 4 саженъ на фасадѣ Суворовскаго музея. Большинство другихъ его работъ осталось исключительно въ эскизахъ и этюдахъ; славились его эскизы изъ жизни учениковъ Академіи Художествъ; большая картина «Жница», эскизъ «Изъ жизни ссыльныхъ», «Колокольный звонъ на Пасху», «На краю свѣта», портретъ Суворова (для Музея) и др. Шабунинъ былъ болѣе идейный художникъ, мастеръ эскизовъ, творецъ скорѣе, чѣмъ исполнитель, но копировалъ Левицкаго такъ, что трудно было отличить отъ оригинала. Планы у покойнаго были большіе; онъ задумывалъ издавать описаніе Мезенскаго края, но судьба порѣшила иначе. Настоящая статья составляетъ лишь докладъ, который былъ сдѣланъ художникомъ въ засѣданіи СПб. Общества архитекторовъ, заинтересовалъ теоретически многихъ, но не былъ нигдѣ напечатанъ и въ видѣ рукописи, переписанной на машинкѣ, былъ переданъ художникомъ автору замѣтки; послѣдній, заинтересовавшись этимъ сообщеніемъ, передалъ его въ Отдѣленіе Русскаго Языка и Словесности, постановившее о его напечатаніи.

Пожелаемъ, чтобы многочисленные рисунки и этюды покойнаго художника съ памятниками стариннаго древостроительства также были когда-нибудь воспроизведены.

Н. Кондаковъ.

СѢВЕРНЫЙ КРАЙ И ЕГО ЖИЗНЬ.

(Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по сѣверной части Архангельской губерніи).

Мнѣ пришлось совершить поѣздку (въ 1903 — 1904 г.) въ область неприглядной, холодной окраины нашего отечества.

По совѣту нѣкоторыхъ подѣлиться своими наблюденіями и впечатлѣніями, полученными мною во время этихъ поѣздокъ, я рѣшилъ изложить все такъ, какъ умѣю, и за некраснорѣчивость описанія — не взыщите. Постараюсь сообщить о томъ, что меня тамъ занимало, главнымъ образомъ въ отношеніи перемѣнъ, происшедшихъ за послѣднія 20-ть лѣтъ.

Это — огромный и настолько удаленный уѣздъ Мезенскій, Архангельской губерніи, что по сѣверной части его проходитъ уже граница сѣвернаго полярнаго круга. Къ этому краю до 1889—1890 г. административно принадлежалъ и объединялся край Печерскій, и такимъ образомъ Мезенско-Печерскій край, въ общей сложности вмѣщающій въ себѣ приблизительно до шестисотъ тысячъ квадратныхъ верстъ, раскинулся между береговъ Бѣлаго моря, вдоль Ледовитаго Океана и до подошвы хребта богача Урала. По южной окраинѣ этой обширной страны вытянулись дремучіе, дѣвственные лѣса страшно-широкою стѣною, изолируя край отъ всей остальной части безпредѣльной матушки

Россіи съ ея культурою и просвѣщеніемъ. За этой-то преградою и держитъ сѣверъ въ своихъ холодныхъ объятіяхъ огромныя пространства безпокойныхъ водъ моря и Ледовитаго Океана, пустынныхъ тундръ и дремучихъ, дѣвственныхъ лѣсовъ и сравнительно очень небольшую группу дѣтей — обитателей края, состоящую изъ великоруссовъ, зырянъ и самоѣдовъ.

Много тутъ еще непочатыхъ глухихъ угловъ съ симптомами первобытнаго духа русской жизни, памятники котораго, какъ напр. постройки, разные предметы церковнаго обихода, во множествѣ еще можно найти по глухимъ угламъ, часто забытые и заброшенные. Въ нѣкоторыя изъ этихъ глухихъ мѣстъ можно пробраться только лѣтомъ водою, а въ нѣкоторыя — только зимою на оленяхъ. Тамъ не мало сокрыто различныхъ документовъ далекаго историческаго прошлаго. Тамъ, на краю свѣта, остановилось, ибо дальше некуда было идти, историческое прошлое древней Москвы и великаго Новгорода. То — моя родина.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, какъ я покинулъ ее, впервые пробираясь зимою въ С.-Петербургъ самымъ первобытнымъ способомъ, т. е. на оленяхъ и собакахъ по своему краю, а далѣе уже на лошадяхъ. Все пространство тысячи въ двѣ съ половиною верстъ я проѣхалъ въ то время приблизительно дней въ сорокъ. Въ настоящее же время этотъ долгій и томительный путь я совершилъ въ какихъ-нибудь всего 8 — 9 дней. Въ трое съ половиною сутокъ я проѣхалъ до города Архангельска уже по желѣзной дорогѣ, а далѣе, по безпокойному Бѣлому морю, на мурманскихъ пароходахъ.

Отъ Архангельска же путь мой по морю продолжался въ городъ Мезень; это — 500 верстъ по прямому направленію къ сѣверу. Какъ выше я сообщилъ, по сѣверной части Мезенскаго уѣзда проходитъ полярный кругъ. Эту границу полярной страны мнѣ пришлось проѣзжать въ темную осеннюю ночь, во время которой крайне живописно играло сѣверное сіяніе, освѣщая пароходъ своими лучами фосфорическаго свѣта. Картина великолѣпная. Но вотъ мы уже въ Мезенской губѣ, гдѣ нашъ

пароходъ простоялъ на якорѣ полсутокъ, потому что «еще не пришла вода», какъ наши поморы выражаются. Это означаетъ, что два раза въ сутки въ Мезенскую губу заходятъ океанскія теченія, загоняя воды ея въ рѣки, впадающія въ губу, на 50, на 70 верстъ противъ ихъ теченія, заливая низменные берега, пески и мели, открывая такимъ образомъ свободный доступъ морскимъ пароходамъ и кораблямъ на нѣсколько часовъ въ устье рѣки Мезени, пока теченіе не уйдетъ обратно. Эти морскіе приливы нарушаютъ обычную картину теченія рѣкъ, впадающихъ въ Мезенскую губу: рѣки два раза въ сутки начинаютъ постепенно принимать совершенно обратное теченіе, такъ что во время прилива вы ѣдете десятки верстъ противъ обычнаго теченія рѣки, но вмѣстѣ съ тѣмъ фактически ѣдете по теченію. Явленіе это на небывалаго путника производитъ всегда весьма странное впечатлѣніе. Въ верстахъ двадцати пяти отъ города Мезени, пароходъ уже совсѣмъ останавливается и дальше, вслѣдствіе неглубокаго русла рѣки, не идетъ. Тогда пассажиры, выждавъ вторичный приливъ морской воды, добираются до города Мезени уже въ большихъ лодкахъ, называемыхъ карбасами («карбасъ»).

Мезень-городъ расположился на невысокомъ, ровномъ и пустынномъ правомъ берегу рѣки Мезени; имѣетъ, кажется, не болѣе двухъ тысячъ жителей. Унылъ и непригляденъ нашъ городокъ, какъ и окружающая его мрачная, тоскливая природа, но особенно глубокое уныніе испытываетъ человѣкъ, если вспомнитъ, сколько горя и томительной тоски испытали люди, сколько горькихъ слезъ пролили они, принужденные годы и годы коротать подневольно свою жизнь въ этомъ людьми забытомъ краѣ; кажется, и безъ того-то уже нашъ городъ чувствуется безъисходною тюрьма-тюрьмою, по навѣваемой имъ жуткости на заѣзжаго изъ глубины Россіи человѣка, а между тѣмъ въ немъ, въ этой тюрьмѣ, есть все таки еще и въ буквальномъ смыслѣ тюрьма для мѣстныхъ обитателей-грѣшниковъ — особо провинившихся, такъ какъ ихъ уже ссылать болѣе некуда, ибо они уже и такъ на краю земли.

Городская тюрьма — почти совершенно обыкновенный, небольшой деревянный, добродушнаго вида, низменный довольно домикъ, и отличается главнымъ образомъ своею оригинальною оградою — тыномъ изъ толстыхъ бревенъ чуть ли не выше самаго дома; ихъ верхніе концы напоминаютъ тщательно очиненные карандаши.

За этою тюрьмою не подалеку расположилась на пустынной тундрѣ еще третья, но и послѣдняя тюрьма. Это — преунылое православное кладбище. Ограда вокругъ этого страннаго для насъ кладбища была сдѣлана отъ природы угрюмымъ самоѣдомъ, выразившимъ тѣмъ свое посильное вниманіе къ просвѣщающему его человѣку.

Очень и очень невеликъ нашъ бѣдный городокъ, такъ невеликъ, что не потребуется и двадцати минутъ, чтобъ пройти по единственной его продольной немощенной улицѣ, которая начинается маленькимъ низенькимъ домикомъ, стоящимъ на тундрѣ и кончается, какъ выше сказалъ, почти обыкновеннымъ деревяннымъ домомъ тюрьмы, и также на тундрѣ; а чтобъ пройти поперечную улицу, то достаточно и пяти минутъ. Причемъ, проходя вдоль и поперекъ города, можно иногда не встрѣтить буквально ни души, хотя и посреди бѣла дня. Задворками своими городъ весь стоитъ на краю безконечной, пустынной, удручающей тундры, да и не только задворками, но есть домики, фасадъ которыхъ приговоренъ созерцать ужасы унылой пустынности; и словно для горькой ироніи, этотъ бѣдный фасадъ украшенъ интереснымъ рѣзнымъ (симпатичнымъ) балкончикомъ. Городъ Мезень не имѣетъ ни единаго каменнаго жилого строенія, кромѣ низменнаго маленькаго зданьица — Государственнаго Казначейства. Имѣются двѣ церкви, и тѣ обѣ деревянныя, причемъ одна изъ нихъ XVII вѣка. Отъ жизни въ Мезени-городѣ, полной душу щемящей тишины, безмятежія и простоты, не бывавшему здѣсь человѣку покажется жутко, а за добродушныхъ, чрезвычайно радушныхъ обитателей его становится какъ-то обидно и крайне тоскливо.

Интеллигенція, закинутая сюда «по волѣ судебъ», по временамъ облегчаетъ чувство угнетенности положенія иллюзіями будущаго, призраками счастья. Нѣкоторыхъ же изъ нихъ не безпокоятъ и эти чувства и мечты, настолько люди уже смирились со своею участью. Развѣ только шевельнетъ сознаніе ихъ бытія страшный визгъ и ревъ разбушевавшагося снѣжнаго урагана. Вотъ ужъ гдѣ именно воистину «вихри снѣжные крутя, то какъ звѣрь она завоетъ, то заплачетъ какъ дитя».

Невеликъ самъ по себѣ нашъ городокъ, но страшно велико, какъ я выше сказалъ, его земельное владѣніе. Наибольшая часть этого владѣнія — тундра и лѣса. Обиліе строевого лѣса вызвало устройство нѣсколькихъ лѣсопильныхъ заводовъ[1]), имѣющихъ крупныя сношенія съ англичанами, американцами, шведами и норвежцами. Затѣмъ своеобразно-красивыя рѣки съ красными берегами, луга и поля, засѣваемыя исключительно ячменемъ, очень рѣдко рожью, такъ какъ она зачастую не успѣваетъ дойти. (Да и ячмень не на рѣдкость побивается ранними морозами «утренниками» 10—15° въ августѣ мѣсяцѣ). Мѣшаютъ зачастую морозы дойти и картофелю, капустѣ и рѣдькѣ — иныхъ овощей у насъ и не знаютъ.

Мезенскій край заселяютъ великоруссы, зыряне и самоѣды. Живутъ они не богато, да пожалуй и не бѣдно. Если ихъ скудные посѣвы на глинистой почвѣ побьютъ ранніе морозы, что и не на рѣдкость, то у нихъ есть еще надежда на отхожіе промыслы: въ лѣса, на море, на рѣки и лѣсопильные заводы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Мезени и Печерѣ до сихъ поръ существуетъ еще и мѣновая торговля съ самоѣдами, которые разъ въ годъ, а именно въ первой половинѣ зимы, вывозятъ изъ нѣдръ своихъ тундръ накопившіеся за годъ продукты своей примитивной промышленности. Занимаются крестьяне, преимущественно изъ зырянъ, и оленеводствомъ, и въ такой степени, что одинъ вла-

---

1) Два лѣсопильныхъ завода, одинъ на берегу Мезенской губы К. Русанова, одинъ при устьѣ р. Мезени бр. Ружниковыхъ, и еще заводъ или два на р. Печорѣ.

дѣлецъ имѣетъ сотни, тысячи и даже десятки тысячъ оленей. При благопріятныхъ обстоятельствахъ[1]) это оленоводство — одинъ изъ крупныхъ и доходныхъ промысловъ нашего края.

Промышленники наши на звѣрей и птицъ все еще предпочитаютъ довольствоваться примитивными кремневыми самодѣльными ружьями.

Были случаи, когда наши промышленники отъ предложенныхъ имъ усовершенствованныхъ ружей отказывались, найдя ихъ неудобными, по ихъ сложности и дорогой цѣнѣ, а главное потому, что патроны и разныя другія хитрыя принадлежности усовершенствованнаго ружья нужно выписывать изъ Петербурга или Москвы. Для успѣха въ своей охотѣ сѣверянинъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ имѣть лишь порохъ и кусокъ свинца, изъ котораго онъ на досугѣ искусно заготовляетъ свои мѣткія и вѣрныя пули. На своихъ охотахъ эти промышленники игнорируютъ даже и обыкновенныя фабричныя спички, какъ боящіяся сырости; они, почти съ такою же скоростью, достаютъ огонь благодаря кремню, «труту» и «огниву». Съ такимъ первобытнымъ оружіемъ промышленники наши отважно выходятъ на добычу птицъ, лѣсного звѣря и въ море на злого моржа, тюленя и бѣлаго медвѣдя, и прекрасно справляются. Въ извѣстный періодъ зимняго времени къ берегу Бѣлаго моря скопляются тысячи промышленниковъ для добычи морскихъ звѣрей. Промыслы ихъ производятся все время на плавающихъ огромныхъ льдинахъ, которыя суточными теченіями относитъ отъ материка въ море и обратно. Промышленники моря настолько привыкли къ плаванію на блуждающихъ льдинахъ, что не смотря на то, что цѣлыми сутками не видятъ земли, не придаютъ этому значенія и преспокойно гоняются за морскимъ звѣремъ, ловятъ и ловко и весьма просто бьютъ его. Причемъ каждая группа промышленниковъ имѣетъ лодку на случай разрыва льдины. Были случаи, когда

1) Неблагопріятныя обстоятельства — падежи оленей отъ быстро-развивающейся какой-либо моровой язвы, какъ, напримѣръ, чума, и т. п.

льдины съ промышленниками выносило теченіями изъ предѣловъ моря въ Океанъ и безповоротно. Эти несчастные случаи обыкновенно бываютъ при сильныхъ неблагопріятныхъ, продолжительныхъ вѣтрахъ. По берегу моря въ нѣсколькихъ мѣстахъ тянутся длинными рядами избушки промышленниковъ, самаго примитивнаго устройства (бревенчатыя).

Рѣка Мезень, красиво изгибаясь, имѣетъ на всемъ своемъ протяженіи приблизительно верстъ шестьсотъ, имѣя по обоимъ берегамъ то болѣе или менѣе высокіе красные утесы, то луговые острова, перелѣски и рощи; отъ мѣста до мѣста, на значительномъ, однако, другъ отъ друга разстояніи, встрѣчаются деревни по обѣимъ сторонамъ рѣки, иногда съ красиво выступающими ихъ древними деревянными храмами.

За деревнями вспаханная холмистая земля, а за нею густые хвойные, дремучіе лѣса, какъ-бы уходящіе съ холма на холмъ, словно въ безконечную синюю даль, хотя въ сущности не такъ широка полоса этого дѣвственнаго лѣса, за которою начинается уже тундра, а далѣе вѣчно плещущія волны Сѣвернаго Ледовитаго Океана, до котораго отъ рѣки Мезени по прямому направленію и всего-то будетъ верстъ полтораста.

И такъ, проѣзжая по родному краю спустя двадцать лѣтъ, невольно, какъ-то ревниво, обращалось вниманіе мое на нѣкоторыя перемѣны въ жизни края, въ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ и характерности народныхъ пѣсенъ, а также и въ искаженіи характерности построекъ. Словомъ, многое теперь показалось чѣмъ-то чужимъ, непривѣтливымъ, и съ грустью приходилось сознавать, что и въ этотъ столь еще нетронутый, отдаленный и изолированный край начала проникать культура мѣщанско-фабричной цивилизаціи. Стало обнаруживаться сознательное пренебреженіе и грубое разрушеніе чисто-мѣстно-русской непосредственной старины. Новшество прежде всего замѣчается, и довольно рѣзко, въ одеждѣ, въ характерѣ пѣсенъ и въ обычаяхъ.

Одежда главнымъ образомъ начала видоизмѣняться у мужичковъ, и притомъ праздничная. Какъ шелъ прежде къ за-

стѣнчивому, простодушному на видъ молодцу плисовый или суконный длинный сборчатый кафтанъ, по которому красиво молодые мужички подпоясывались длинными шелковыми кушаками, широкія шаровары въ голенищахъ франтовскихъ сапогъ, свободная рубашка, по подолу и косому вороту которой съ любовью и мечтательно вышиты узоры красною дѣвицей; и теперь это все пропало, и кавалеры деревни своими костюмами и нравами въ большинствѣ случаевъ производятъ впечатлѣніе заурядныхъ фабрично-заводскихъ парней со всѣми ихъ замашками и наклонностями. Грустно, конечно, видѣть такого парня, нарядившагося «по-новомодному» въ лубочнаго и яркаго цвѣта рубаху, купленную готовою па городскомъ базарѣ, подолъ которой выпущенъ изъ подъ чернаго жилета, успащеннаго цѣпью отъ карманныхъ часовъ, въ черныя на выпускъ брюки и сапоги съ галошами; на головѣ шапка котелокъ, а въ рукахъ непремѣнно зонтикъ или гармонія. Мнѣ даже разъ пришлось видѣть на головѣ у мужика, среднихъ лѣтъ, что-то вродѣ цилиндра. Такой костюмъ съ пиджакомъ у нихъ почему-то принято называть «нѣмецкій». Онъ имѣетъ не-мало подражателей, мечтающихъ завести подобное одѣяніе, поживши на заводѣ, дабы и про него говорили, что молъ «Кирилко-то Иванушковъ тоже по-нѣмецкому нынѣ сталъ наряжаться». Пожилые и старики еще благоразумно воздерживаются отъ этой «нѣмецкой одежды». Одежда же женщинъ существенно не измѣнилась. До сихъ поръ онѣ благоговѣйно одѣваются въ свои парадные древне-московскіе и новгородскіе костюмы изъ старинной парчи, штофа и шелку, украшенные широкими золотыми до полу позументами съ ажурными древними серебряными пуговицами. На головѣ высокія парчевыя, такъ называемыя «повязки», унизанныя бисеромъ, часто жемчугомъ. А въ длинныя косы свои дѣвицы вплетаютъ широкія длинныя парчевыя ленты — косники.

Что же касается характерности пѣсенъ нашихъ сѣверянъ, то они уже почти совершенно утратили свою поэтическую прелесть и мнѣ, какъ туземцу, особенно рѣзко это бросилось въ

глаза. Когда мнѣ впервые въ Петербургѣ приходилось слушать оперы, на темы изъ русской исторіи, я узнавалъ мѣстами явнородныя мелодіи или ихъ варіаціи, чувствовалась тутъ какая-то тѣсная связь между характеромъ народныхъ пѣсенъ, преисполненныхъ беззавѣтной грусти, и пріятной задушевной мелодіей. Нынѣ же поются пѣсни исключительно заносныя, преимущественно фабрично-заводскія, и притомъ подъ неизбѣжную нынѣ гармонику, которая, еще во время моего дѣтства, на сѣверѣ считалась какъ нѣчто непристойное, нестепенное. Новое поколѣніе молодежи совсѣмъ уже не знаетъ ни словъ, ни мелодіи былыхъ пѣсенъ. Это новшество пѣсенъ замѣтно отражается на ихъ нравахъ и характерѣ жизни. Но среди дѣвицъ-сѣверянокъ нашихъ еще поддерживается характерная особенность былыхъ поэтическихъ пѣсенъ, и, какъ до сихъ поръ сохранившійся обращикъ остатка народной сѣверной поэзіи, я приведу здѣсь любопытную форму ея изложенія и слогъ выраженія грусти красной дѣвицы, выходящей замужъ, что мнѣ удалось записать съ ихъ словъ.

Дѣвушка въ парчевомъ выходномъ нарядѣ, очень напоминающая древне-новгородскую боярышню, что ей придаетъ какой-то особо-величавый видъ, окруженная подругами дѣвушками, родственниками и гостями свадьбы, грустною мелодіею, которую стройно и плавно подхватываютъ пріятными голосами подруги ея, выражаетъ свою скорбь, характернымъ древне-русскимъ слогомъ, причемъ время отъ времени на ея здоровыхъ румяныхъ щекахъ появляются крупныя слезы, иногда переходя въ истерическій плачъ. Разстрагиваетъ она и присутствующихъ до искреннихъ слезъ.

Высказывается она такъ.

(Прологъ). «Вечеры, вечеры, всѣ дѣвицы сидятъ веселы; какъ одна сидитъ невесела, буйну голову повѣсила. Сидучись она придремала, сидучись сонъ привидѣлся, грозенъ сонъ, немилостивый: какъ на нашей-то улицѣ, на нашей широкой, есть пуста стоитъ хоромина, есть пустая не покрытая, то чужа да незнакомая.

Что на нашей улицѣ, да что на широкой есть пуста стоитъ хоромина, есть пуста и не покрытая, углы прочь да отвалилися, отецъ — матерь отступилися; а на печищѣ котище лежитъ, да на полу гусыня, да по лавочкамъ ласточки, по окошечкамъ голуби, въ новой горницѣ ясенъ соколъ. На печищѣ котище лежитъ — свекоръ-батюшка, по полу ходитъ гусыня — свекрова-матушка, а по лавочкамъ ласточки — то золовушки-сестрицы. По окошечкамъ голуби — то деверья, то брателки. Въ новой горницѣ ясенъ соколъ — то мой суженый.

Отворочусь я, много-кручинная, отъ большого угла передняго, отъ иконъ да лику Божьяго, отъ божничекъ отъ карнизенныхъ, отъ свѣчей да воску яраго, отъ шпурковъ да отъ бумажныхъ, отъ масла-то отъ Божьяго, я отъ ладану да кипарисиаго.

Отворочусь я отъ столовъ да отъ дубовыхъ, отъ скатертей да отъ камчатныхъ, отъ спичниковъ (полотенцы) отъ набранныхъ[1]), отъ хлѣба-соли да отъ Божьяго. Отъ трепещущейся свѣжей рыбочки, да отъ полетуицей тетерочки, отъ братыни да пива пьянаго, какъ отъ чары зелена-вина. Отъ яствовъ да отъ сахарныхъ, отъ напитковъ разноличныхъ. Отворочусь я, много-кручинная, отъ сватушки лукаваго, отъ враля да рѣдкозубаго. Отворочусь я, много-кручинная, отъ чужа сына отецкаго. Какъ чужой меня чужанинъ пристыдилъ, да прибезчестилъ, при отцѣ да онъ, при матери, при всемъ да роду-племени, при сосѣдушкахъ да порядовныхъ, при подружкахъ полюбовныхъ, при дѣвицахъ бѣлыхъ лебедяхъ, при молодцахъ при удалыхъ же.

Приворочусь я ко палаточки[2]) сыпучей, приворочусь я къ жаркой печеньки. Грѣетъ жарка печенька, она грѣетъ, да отхалаживаетъ, говоритъ моя желанна, говоритъ да отговариватъ, все туда же отгораживатъ.

---

1) «Набранныя» отъ словъ «набирать брани», т. е. узоры вытыкаемые на холстѣ.

2) «Палать» — ложе для спанья ввидѣ наръ — устраивается въ избѣ на на уровнѣ высоты печи.

Приворочусь я, много-кручинная, ко частымъ мелкимъ приступочкамъ, приворочусь, много-кручинная, я ко мѣдной рукомоечкѣ.

Понесите, ноги рѣзвыя, по тесовымъ передъизбьицамъ (сѣни передъ избою), я раскину очи слезныя по всему двору широкому. Не убойся, дворъ широкій: я грузнымъ иду — грузнехонька, со всѣма да людми добрыми, со трубчатымъ громкимъ голосомъ.

Подымаются да тучи грозныя. — Туча съ тучей сокатилися, въ одно мѣстечко толкалися. Изъ первой-то тучи грозной выпадаютъ снѣги бѣлыя, изъ второй-то тучи грозной выпадаютъ всяки слякости — да нехорошія, изъ третьей-то тучи грозной проливаютъ часты дождики, изъ четвертой-то тучи грозной вылетаетъ да громова стрѣла. Она искала себѣ мѣстечко залетѣть да во широкій дворъ. Залетѣла громова стрѣла не дверми, да не окошечкомъ, а окладнымъ она бревешечкомъ. Она искала себѣ мѣстечко по всѣмъ да нашимъ свѣтлицамъ — по крестьянскимъ по избушечкамъ. Она нашла да себѣ мѣстечко на спичкѣ на точеной, никого да не подстрѣлила, она не всхожа красна солнышка — родимаго батюшку, не родную-ту да мамушку, она не младыхъ ясныхъ соколовъ — родимыхъ моихъ брателковъ, не родныхъ-то да сестричепекъ, никого да не подстрѣлила.

Залетѣла громова стрѣла во мои да груди бѣлыя, расколола ретиво сердце на двѣнадцать мелкихъ жеребьевъ. Какъ шипитъ да буйна голова.

Ужъ я стану, много-кручинная, изъ кручиннаго-то мѣстечка, изъ кручиннаго, подневольнаго. Поневолѣ всхоже солнышко (родитель) на полы да на дубовыя, на башмачки на шлифованы, на чулки да на бумажныя, на подковочки на мѣдныя, на гвоздки да на булатныя, поневолѣ всхоже солнышко, поневолило желанное.

Ужъ ты дай мнѣ, всхоже солнышко, мнѣ-ка мѣсто, серебряночки, посидѣть, покрасоватися, походить, порадоватися, не всхоже красно солнышко у родителя у татушки, и какъ не свѣтъ да разсвѣтается, дѣвій вѣкъ да коротается — наглядитесь очи ясныя, какъ на послѣдни-то остаточки — на мои да ленты алыя.

Накрасуйся, трубчата коса,—въ косникахъ-то ленты-алыхъ (?), въ косоплеткахъ семишелковыхъ. Я бы знала, много-кручинная, не носила бъ ленты алыя, я бы знала это, вѣдала, я носила бъ ленты алыя ко «ступу»—да ко жернову, ко хлѣву да благодатному, ко скоту благословенному, да ко хлѣвной грязной лопаточкѣ».

Затѣмъ сцена происходитъ на улицѣ у крыльца дома уже передъ отправкою параднаго свадебнаго поѣзда къ вѣнцу. Невѣста стоитъ у свадебныхъ саней, запряженныхъ въ коней, съ дугою, увѣшенною колоколами, въ своемъ парчевомъ нарядѣ, а голова ея съ высокою парчевою повязкою полуприкрыта большой шелковой шалью; обращается она къ родителямъ и роднымъ, стоящимъ на крыльцѣ (церемонія приглашенія на свадьбу родителей) и причитаетъ въ слезахъ: «Ты пожалуй-ко мнѣ, солнышко, какъ на срядну ко мнѣ свадебку со желанною болѣзенкой, какъ съ родимой моей мамушкой, ты со младыми ясными соколами, со родными сестричками, со всѣми со честными-то родителями. Вы пожалуйте, родители, на мою да срядну свадебку, ко чужому отцу женину, ко чужу сыну отецкому. Не заморозь, да всхоже солнышко, на красномъ крытомъ крылечушкѣ. Можетъ быть, надется вольна-волюшка отъ чужа сына отецкаго; запусти, да всхоже солнышко, не заморозь на своемъ крутомъ рѣзномъ крылечушкѣ. Ты прощай же, всхоже солнышко, на вѣку-то я не впервыя, на роду да не впослѣднія, только въ дѣвьи вопослѣднія.

Ты прощай, моя желанная болѣзенка, какъ родима моя мамушка, какъ на вѣку-то я не впервыя, во роду-то не послѣдняя, только въ дѣвьи-то послѣдняя. Вы прощайте, млады ясны соколы — мои брателки родимыя. Прощайте, млады ясны соколы, вы, родимыя сестриченки. Ты пожалуй, всхоже солнышко, на мою да срядну свадебку со всѣми да со родителями.

Благослови, да всхоже солнышко, поклонись, да буйна голова, покорись, да ретиво сердце, мни сходить до Божьей церкви, мни принять золоты вѣнцы; я у Спаса прошу милости, я у мамушки благословеньица до церквей сходить до Божьихъ же, какъ принять да золоты вѣнцы».

Въ наиболѣе отдаленныхъ углахъ глухого края можно застать еще жизнь старины, чуждой всякихъ новшествъ, нововведеній фабрично-заводской культуры. Это — обитатели маленькихъ деревушекъ, раздѣленныхъ многоверстными пространствами, по берегамъ небольшихъ рѣкъ, въ лѣсахъ. Это — сущія дѣти природы. Живутъ они въ своихъ небольшихъ деревняхъ почти совершенно безвыходно и безвыѣздно, словно медвѣди въ берлогахъ. Даже менѣе требовательны, такъ какъ медвѣдь имѣетъ обыкновеніе ежегодно выступать изъ своей берлоги на свѣтъ Божій, освѣжиться, поразнообразить свою жизнь, а у людей, сосѣдей его, и этой потребности нѣтъ. Побывать хотя въ ближайшей деревнѣ за 60, за 80 верстъ, это крайняя рѣдкость. Да какъ же имъ и выбраться, когда зимою и признаки дороги глубоко сокрыты подъ снѣгомъ, и онъ радъ, что ему удалось съѣздить кое-какъ въ лѣсъ за дровами, да въ лугъ за сѣномъ. Лѣтомъ тоже не лучше: спуститься на лодочкѣ по теченію за 60, за 80 верстъ легко бы и хорошо, но перспектива обратнаго путешествія отбиваетъ всякую охоту отправиться въ путь. Рѣчка узкая, быстрая и извилистая до крайности; притомъ берега ея очень часто заросли кустарникомъ, вокругъ котораго происходятъ цѣлые водовороты, а весеннія воды ея настолько подмываютъ берега, что производятъ цѣлые обвалы деревьевъ — гигантовъ, которыя при паденіи вершиною своею покоятся на противоположномъ берегу, представляя собою цѣлую плотину. По такой рѣчкѣ мнѣ пришлось проѣхать отъ самаго ея истока, начинающагося какими-то глубокими, узкими лужами между двумя оврагами, и та часть, т. е. буквально самая вершина рѣки, настолько узка, что когда нашъ волоковой путь кончился и узкую лодку, въ которой рядомъ вдвоемъ не усядутся, опустили въ рѣку, то бортами своими моя лодченочка касалась обоихъ береговъ. Верстъ 5-ть рѣчка почти незамѣтно расширялась, а тамъ уже пошла значительно пошире. При впаденіи ея въ Бѣлое море она въ ширинѣ показала себя около 7 верстъ. Рѣчку эту, верстъ двѣсти въ длину, мнѣ пришлось всю проѣхать въ самый свѣтлый

періодъ времени бѣлыхъ ночей. Своимъ появленіемъ въ такую глушь словно вспугнешь ея обитателей: они заходятъ по угору деревни, образуется вскорѣ цѣлая компанія у крыльца дома, въ которомъ остановился. Мало-по-малу компанія эта робко забирается и въ избу, гдѣ постепенно они осваиваются, но необыкновенная сдержанность и тишина спокойнаго говора ихъ не покидаетъ. Сосредоточенно задавали вопросы мнѣ о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ. Разглядывали мои дорожныя вещи, а одежду на мнѣ, даже обувь, трогали, щупали руками, и неподдѣльному изумленію — нѣтъ конца. Особенно ихъ занимало, когда я въ избѣ писалъ этюдъ типичнаго мужика и показалъ имъ еще нѣкоторые этюды видовъ; и очень жалѣлъ, что больше нечего было показать относительно художества, такъ какъ они очень заинтересовались, и я невольно проникся ихъ настроеніемъ и пытался имъ кое-что растолковать, хотя не безъ труда; но они видимо понимали и вывели заключеніе что «это дѣло доброе картина-то, она, братъ, тебѣ все явно обозначитъ и толковать не надо».

Теперь я постараюсь познакомить васъ съ характерностью построекъ нашего края.

Жилища и дома устраиваются въ нашемъ краѣ довольно своеобразно. Какъ зажиточный, такъ и бѣднякъ, въ сущности устраиваются одинаково, т. е., часть постройки для жилья и скота подъ одною крышей; разница только въ размѣрѣ постройки, въ количествѣ помѣщеній и ихъ благоустройствѣ, въ украшеніяхъ внутри и снаружи. Это домъ, длина котораго въ 15 — 18 саженей — ширина его не болѣе 6 саженей, обыкновенно же 5 саженей. Общая высота и наибольшая, т. е. до конька карниза, приблизительно сажени 4; до карниза высота отъ 2-хъ саженей до 3-хъ саженей. Матеріалъ постройки — толстыя сосновыя бревна. Большею частью, не смотря на значительную высоту фасада, дома имѣютъ одинъ этажъ, начинающійся отъ земли на второй, даже на третьей сажени. Притомъ жилая часть дома строится изъ 2-хъ отдѣльныхъ высокихъ срубовъ вплотную

одинъ къ другому, и, такимъ образомъ, фасадная часть жилья состоитъ изъ двухъ помѣщеній: избы и горницы, раздѣленныхъ двумя капитальными стѣнами, въ которыхъ устраивается дверь.

За послѣднее время стали строить въ одну капитальную стѣну, раздѣляющую на два помѣщенія. Вся длина дома дѣлится на слѣдующія три части: для жилья отъ 2-хъ до 3-хъ саженей, сѣни не шире полуторы сажени, а затѣмъ остальная часть дѣлится на верхнюю и нижнюю: 1-я, гдѣ храненіе хозяйственныхъ принадлежностей, запасы сѣна, экипажи и мѣста для лошадей, — эта часть называется «повѣть», для въѣзда въ которую устраивается бревенчатый подъемъ, называемый «взвозъ», но есть въ нее и внутренній входъ изъ избы. 2-я часть — скотный дворъ, гдѣ устраиваются ясли и хлѣвы для коровъ и отдѣльно для овецъ. Ходъ въ жилое помѣщеніе устраивается по наружному крытому крыльцу, занимающему по продольной линіи дома всю жилую часть, и съ верхней площадки его ворота сперва ведутъ въ сѣни, холодныя конечно, и затѣмъ уже въ избу. Крыльцо это у нихъ всегда должно служить главнымъ украшеніемъ дома, а потому ему и удѣляется не мало вниманія. Надъ нижнею и верхнею площадкою крыльца на рѣзныхъ столбахъ двухскатныя крыши соразмѣрно площадокъ, соединяемыя односкатною тесовою крышею въ длину крыльца. Перила крыльца очень часто рѣзныя и раскрашены, а также и выступы крыши его. На нижней площадкѣ бросается въ глаза высмоленная дверь въ стѣнѣ дома; это — входъ въ подвалъ и погребъ дома. Украшеніе дома идетъ дальше. Чердачная часть фасада въ большинствѣ случаевъ обшивочная, имѣющая вслѣдствіе двухскатной крыши форму треугольника, съ окномъ посрединѣ, а иногда встрѣчается и полукруглый балконъ. Эта часть тоже играетъ большую роль въ украшеніи жилища сѣверянина, она вся или раскрашивается, или расписывается масляными красками. Своеобразный орнаментъ иногда встрѣчается тутъ въ изображеніи воображаемыхъ заморскихъ звѣрей и птицъ. Окно этой части и двухстворчатыя ставни его, ввидѣ иконы-складня, покрыты живописью и рѣзьбою, а

наличники, вокругъ рамы, напоминаютъ издали вышитое полотенце, повѣшенное на зеркало. Такое украшеніе оконъ не только на чердачной части фасада, но и на всѣхъ окнахъ дома. Выступающая часть крыши на фасадъ, аршина на два съ внутренней стороны ея, т. е. къ фасаду, также обшивается и съ любовью расписывается орнаментомъ въ прекрасномъ распредѣленіи цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго, синяго, зеленаго, желтаго и чернаго. Украшеніе такого рода заканчивается прикрѣпленными на крышѣ громадными рогами оленя. Часто домохозяинъ отдаленнаго сѣвера не удовлетворяется украшеніемъ своего жилища лишь съ внѣшней стороны его, но и внутри жилье все разукрашено да расписано, и рѣзное, начиная отъ «божницы». Расписывается доска стола, перегородка въ избѣ, двери, вся деревянная часть русской печи въ избѣ, покрываются рѣзьбою и раскрашиваются кросна, прялки, швейки, веретена, катальный бѣльевой приборъ и даже кадка для воды, грабли, лѣтніе и зимніе экипажи, дуги и проч. Къ сожалѣнію, эти мечты и желанія выражать потребности своей души стали теперь замѣтно тупѣть и охлаждаться, и проявленія эти можно видѣть лишь въ отживающемъ нынѣ поколѣніи.

Теперь же горница мужика стала оклеиваться обоями и даже иногда штукатуриться. На украшеніе дома снаружи и внутри, на рѣзьбу и роспись предметовъ домашняго обихода онъ сталъ смотрѣть какъ на «порчу». Домикъ онъ мечтаетъ устроить по образцу домика мѣщанина въ уѣздномъ городкѣ. Домикъ невысокій, съ двухстворчатыми рамами, въ три стекла; раму красить бѣлилами или охрою, крыльца нѣтъ, ходъ въ домъ по лѣстницѣ внутри, а при входѣ устраиваетъ зонтъ, словомъ — «по-городскому». Все это въ сущности очень печально, а главное тутъ навсегда подавлена самостоятельность своеобразнаго творчества, проявляющагося художества у мужика, явно пропала его задушевная простота и вся прелесть наивности его мечтаній. Горькое и обидное чувство испытываешь при взглядѣ на эту утлую культуру въ жизни мужика. Вѣдь не значитъ ли это, что онъ пере-

мѣнился въ душѣ, въ нравѣ и характерѣ, сталъ хитрѣе, жоще и явная трещина показалась на его нравственности?

Подобныхъ явленій пока сравнительно мало, однако начало разрушенію завѣтной старины, характерныхъ особенностей края, положено несомнѣнно.

Полный контрастъ благоустроенному дому представляетъ собою у насъ еще до сихъ поръ существующая, такъ называемая «черная изба», весьма рѣдко нынѣ встрѣчающаяся, но было то время, когда о лучшихъ постройкахъ не имѣлось представленія. Это — изба, въ которой больше половины ея занимаетъ русская плоская печь, сбитая изъ глины. Печь эта не имѣетъ дымовода, а вмѣсто его вырубается высоко надъ заднею частью печи отверстіе въ стѣнѣ избы со ставнемъ. На время топки для выпусканія дыма ставень отнимается и открывается дверь изъ избы въ холодныя сѣни, которыя зимою никогда не оставляетъ безъ холоднаго вниманія снѣжная метель. Съ этимъ свыклись и не обращаютъ вниманія настолько, что при открытыхъ дверяхъ на полу, на оленьихъ шкурахъ, подъ ветхими и рваными одѣялами изъ овечьихъ шкуръ («одѣвальница») — продолжаютъ спать дѣти. И ужъ, вѣроятно, вслѣдствіе закаленности, дѣти очень рѣдко страдаютъ горловыми или грудными болѣзнями... Внутреннія стѣны такой избы, верхняя часть которыхъ и потолокъ изъ необтесанныхъ бревенъ, черны какъ смоль. Подъ потолкомъ протянуты тоже словно обуглившіяся жерди, на которыхъ осенью просушиваются снопы ячменя, и, такимъ образомъ, изба эта служитъ въ осеннее время и «овиномъ». Окна въ ней продольныя и настолько малы и низки къ сидѣнью, т. е. къ «лавкѣ», что, чтобъ посмотрѣть на улицу, нужно стать на полъ на колѣни или лечь на лавку. Въ избѣ есть узкая перегородка, за которою помѣщеньице для храненія пищи и нѣкоторой одежды. Тамъ же находится и ручная, весьма примитивнаго устройства мельница для хлѣба, верхній жерновъ которой за рукоятку приводится въ движеніе одною рукою, а другою всыпается по временамъ зерно въ небольшое отверстіе по срединѣ жернова; такимъ образомъ каждое

раннее утро хозяйка заготавливаетъ на семью муки для хлѣбовъ на день. Помѣщеніе это, какихъ-нибудь всего аршина полтора ширины, называется «солныша».

Что же касается обезпеченія отъ нашихъ, иногда крайнихъ холодовъ зимою, то эти «черныя избы», несмотря на однѣ рамы, хорошо держатъ тепло, такъ какъ необычно маленькія окна ихъ прорубаются не въ верхней части, гдѣ скопляется тепло избы, а въ нижайшей, въ области скопленія холоднаго воздуха, который на обитателей, какъ на людей привычныхъ, особенно не дѣйствуетъ. Вообще же сѣверяне какъ-то особенно относятся къ холоду. Напримѣръ, — изъ бани, находящейся на значительномъ разстояніи отъ дома, выходятъ въ одной рубахѣ при голыхъ ногахъ и часто босыми ногами не спѣша идутъ домой по снѣгу... Мнѣ, бывало, приходилось не разъ видѣть въ ледоходное время выходящаго изъ бани мужика съ ребенкомъ, слегка прикрытымъ, направлявшагося къ рѣкѣ. Ледъ уже пронесло, хотя много еще было его на берегу. Посадивши свое чадо на брошенный на льдину распаренный вѣникъ, самъ спустился въ воду, и окунувшись, не выходя изъ воды, беретъ ребенка и погружаетъ его не разъ въ ледяную воду; потомъ взобравшись на льдину, въ полуголомъ видѣ, босикомъ съ ребенкомъ идетъ домой. Самоѣды же моютъ и обмываютъ своихъ дѣтей исключительно снѣгомъ и на улицѣ. Но, несмотря на такія привычки, сѣверяне зимою вовсе не такъ легко одѣваются при выходѣ на работу, или при отправкѣ въ поѣздку. Да и холода бываютъ иногда безпощадные: лопаются стекла рамъ, покрывающіяся съ обѣихъ сторонъ толстымъ слоемъ заледенѣлаго снѣга. Двери же избы съ наружной стороны также покрыты толстымъ слоемъ льда и снѣга. При ѣздѣ въ саняхъ, отъ небольшого случайнаго толчка, переламывается полозъ саней, а то оглобли или дуга. Лошадь часто останавливается, задыхаясь отъ сильнаго обледенѣнія ея ноздрей; тогда ледъ этотъ тотчасъ отнимается. Птицы съ полета падаютъ мертвыми.

Такой морозъ, заставшій путника въ не соотвѣтствующемъ

костюмѣ, губитъ его на смерть. Одежда въ эти морозы состоитъ вся изъ двойныхъ оленьихъ шкуръ, т. е. шерстью внутрь и наружу. Одѣвается сначала «малица» шерстью къ тѣлу, а поверхъ «совикъ» съ головою, шерстью къ наружи; также и обувь двойная «липты», а на верхъ «пимы»; еще въ видѣ галошъ невысокія мохнатыя «тоборы». Мнѣ, бывало, не разъ такъ приходилось одѣваться, и даже въ такомъ костюмѣ мнѣ пришлось ѣхать до самаго Петербурга; то было двадцать лѣтъ тому назадъ, когда я впервые пробирался въ столицу. Съ превеликимъ удовольствіемъ я одѣвался въ самоѣдское одѣяніе и въ послѣднюю бытность на сѣверѣ, выходя на этюдъ. Въ пимахъ легко какъ въ чулкахъ и тепло, а на пальто одѣтый совикъ съ головою мало стѣсняетъ писать, но зато ужъ безусловно тепло и не дуетъ (и рѣшительно все равно, какая погода), расхаживаешь себѣ свободно по холмистымъ мѣстамъ.

Между прочимъ на этихъ холмахъ, часто почему-то встрѣчаются одинокіе громадные кресты. Эти особенные кресты невольно приходится отнести къ характеристикѣ психологіи обитателя Мезенскаго края. Подраздѣляются эти кресты на два рода — родъ креста, который ставится на вершинѣ горъ, на холмахъ среди полей, и кресты у самаго крыльца дома. Первые — большею частью четырехъ-конечные и ставятся исключительно на холмахъ и горахъ, въ особенности на вершинѣ, съ которой открывается видъ на извивающуюся посреди луговъ и горъ рѣку, на безконечныя дали. Наоборотъ, я ни разу не встрѣчалъ этихъ огромныхъ крестовъ въ низкихъ мѣстахъ. Другой видъ креста это — восьмиконечный старообрядческаго типа съ крышею. Они рѣдко бываютъ менѣе 3-хъ саженей и устанавливаются у самаго крыльца дома. Въ срединѣ лицевой стороны его по направленію концовъ креста вырѣзается барельефно, неширокою полосою, крестъ, по сторонамъ котораго изъ крупныхъ также барельефныхъ правильныхъ славянскихъ буквъ: «Кресту твоему поклоняемся», и т. д. Далѣе идутъ такія же буквы, сплошь покрывающія собою крестъ не только по лицевой сторонѣ, но и

по бокамъ и позади креста, не имѣющія между собою никакой видимой связи, и между ними нѣтъ никакихъ грамматическихъ знаковъ, лишь нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ славянскія «титла». Всѣ буквы выкрашены въ разные цвѣта по группамъ. Оказывается, что главная суть креста и заключается въ этихъ именно загадочныхъ буквахъ, съ ихъ соотвѣтствіемъ тайному значенію цвѣта. Значеніе это пока выяснить мнѣ не пришлось. Но есть еще такіе же громадные кресты, имѣющіе тоже значеніе. На нихъ высокимъ барельефомъ, глубиною около 2-хъ вершковъ, наивно вырѣзается фигура распятаго Христа, въ натуральную величину, древне-византійскаго характера, т. е. съ горизонтально вытянутыми руками. Свободныя мѣста заполнены опять этими загадочными буквами, а подъ ногами фигуры тоже барельефное изображеніе аттрибутовъ распятія. Болѣе затѣйливые кресты выполняются по особому заказу и лишь въ 4-хъ, 5-ти мѣстахъ всего огромнаго нашего края, и авторы ихъ — мѣстные же крестьяне-кустари.

Устанавливаются еще эти кресты у крыльца своеобразнаго вида нашихъ часовень, на крышахъ которыхъ сплошь-да-рядомъ не бываетъ креста. Часовню имѣетъ положительно каждая деревня и деревушка, даже выселокъ въ лѣсахъ. Устраиваютъ ихъ и на пунктахъ промысловъ по берегамъ моря, рѣкъ, озеръ и въ лѣсахъ. Но всѣ они, какъ и въ самой деревнѣ, настолько невелики, просты и примитивны по своей архитектурѣ, что всегда можно смѣшивать ихъ по наружному виду съ амбарушками крестьянина для сбереженія зерна, муки и другихъ припасовъ. Какъ амбарушка, такъ и часовни одинаково красуются или на угорѣ деревни, или на задворкахъ ея. Итакъ, часовня наша—въ большинствѣ случаевъ квадратный бревенчатый срубъ (конечно, всегда холодная) въ размѣрѣ отъ 4 × 4 аршина и до 9 × 9, высота внутри рѣдко выше сажени; очень часто они совсѣмъ не имѣютъ потолка и заканчиваются двухскатною тесовою крышею. Освѣщается такая часовня чрезъ открытую дверь, или же черезъ маленькіе продольные прорубы въ одномъ бревнѣ и безъ стекла;

а потому зимою полъ въ часовнѣ почти всегда подъ толстымъ слоемъ снѣга. Вдоль передней стѣны на простой доскѣ-полкѣ установленъ въ одинъ и то неполный — рядъ старыхъ иконъ, между которыми можно встрѣтить, какъ я самъ не мало видѣлъ, иконъ оригиналовъ стариннѣйшей работы. Неудивительно, такъ какъ въ часовни эти поступаетъ обыкновенно все устарѣлое, ветхое и ненужное изъ старинныхъ церквей. А также попадаются любопытнѣйшіе образцы стариннѣйшихъ желѣзныхъ и деревянныхъ лампадъ, подсвѣчниковъ, весьма просто сдѣланныхъ изъ дерева и иногда топоромъ, даже большія свѣчи бутафорскаго характера изъ дерева, обыкновенно покрытыя росписнымъ орнаментомъ «зѣло узорочно». Грустно и весьма прискорбно видѣть столь рѣдкіе предметы церковной старины порастасканные по деревенскимъ и лѣснымъ часовнямъ, между тѣмъ какъ такимъ сокровищамъ принадлежало бы видное мѣсто въ музеѣ-хранилищѣ сѣдой старины.

Въ совершенно неимущихъ часовняхъ нѣтъ и тѣни на претензію къ украшенію ихъ, развѣ только пестрыя ситцевыя или изъ холста пелены одна на другой висятъ, прикрѣпленныя къ полочкѣ божницы, да затѣйливо выполненная изъ глины кадильница, въ которой староста часовни въ праздникъ при сборѣ молящихся раздуваетъ съ ладономъ огонекъ и молча самъ кадитъ предъ иконами. Несмотря на все убожество обстановки и простоты часовни, не расхолаживается однако душа поселянина и ничуть, видимо, не мѣшаетъ ему творить тихую усердную и, быть можетъ, горячую молитву. Даже чувствуется въ нихъ нѣкоторое предпочтеніе своей бѣдной «часовенки» большой старинной церкви на погостѣ съ новымъ нарядымъ иконостасомъ. Можетъ быть, немалою причиною этому служитъ богослуженіе, отправляемое съ холодною формальностью, отсутствіе выразительнаго чтенія, отсутствіе стройнаго, трогающаго душу пѣнія, отсутствіе всего, что могло бы дѣйствовать и размягчать сердце человѣка, постоянно чувствующаго на себѣ гнетъ суровой природы; и формальное отправленіе богослуженія не даетъ поселянину ничего

разобрать, ни воспринять; все это ему даже мѣшаетъ сосредоточиться, уйти въ себя и помолиться. Въ результатѣ церковь во время воскресной и праздничной службы почти совершенно пустуетъ. Есть и не на рѣдкость по нашему краю часовни и иной архитектуры, и онѣ сравнительно объемисты по размѣру. Съ внѣшней стороны напоминаютъ онѣ маленькую церковь, съ затѣйливымъ рѣзнымъ-расписнымъ крытымъ крылечкомъ, къ которому какъ-то занятно прикомпановалась «колоколенка» на столбахъ.

Сущимъ украшеніемъ, гордостію и величіемъ нашего края служитъ архитектура древнихъ деревянныхъ церквей половины XVII вѣка. Общая высота этихъ, съ шатровыми крышами, пятиглавыхъ церквей достигаетъ болѣе 20-ти саженей въ прекрасныхъ пропорціяхъ по отношенію къ длинѣ и ширинѣ ихъ, а характерные придѣлы ихъ, вмѣстѣ съ крытымъ крыльцомъ на двѣ стороны, въ видѣ крыльца древняго боярскаго терема, производятъ прекрасное впечатлѣніе. Отдѣльно стоящія высокія колокольни, срубленныя на восемь угловъ изъ невѣроятно толстыхъ бревенъ. Подобную кладку бревенъ на 6 угловъ имѣютъ и алтари древнихъ церквей. Очень жаль, конечно, что нѣкоторыя изъ нихъ утратили прелесть своей архитектуры при производимомъ ремонтѣ архитектуры. Ремонты производились въ такое давнее время, когда еще, быть можетъ, и не было сознанія своеобразности красоты этихъ построекъ и заботы сохранить всю прелесть ихъ, да повидимому никто тогда и не слѣдилъ за этимъ. Еще не такъ давно былъ случай на Мезени, около двадцати пяти лѣтъ тому назадъ, когда церковь конца 15-го или начала 16-го вѣка, грозившая паденіемъ, была разобрана и на мѣстѣ сожжена — съ разрѣшенія начальства. Таковы были взгляды на сохраненіе памятниковъ древняго церковнаго зодчества въ глухомъ отдаленномъ краю. Сохранившіяся же до нашихъ дней эти прекрасныя архитектурныя произведенія стали мало-помалу прятать и зашивать въ безобразные деревянные мѣшки, т. е. обшивать тесомъ и красить бѣлилами. Конечно, это дѣлается въ силу крайней необходимости.

Несмотря на громадный размѣръ этихъ церквей, снаружи въ нихъ очень немного помѣщенія; сравнительно широкая верхняя площадка крыльца, просторная холодная паперть, трапеза, церковь и алтарь все образуютъ собою небольшое помѣщеніе. Низкіе потолки, очень маленькія окна, еще недавно были въ нѣкоторыхъ рамы изъ слюды, дѣлаютъ внутренность церкви при всей ея бѣдности и убожествѣ темною, мрачною, а при взглядѣ на иконостасъ изъ мрачныхъ, совершенно потемнѣвшихъ иконъ, съ которыхъ какъ-то особенно смотрятъ большіе, полные мистическаго духа глаза святого, жутко какъ-то становится, когда подолгу остаешься одинъ въ этихъ мрачныхъ вѣковыхъ храмахъ, объятый ихъ настраивающею тишиною.

Церкви послѣдняго же времени выстраиваются на сѣверѣ такъ, что уже ничего общаго не имѣютъ со своими величавыми предшественницами. Шатровыя крыши исчезли, исчезло и наружное крытое крыльцо ея. Развѣ только изрѣдка замѣтишь древняго типа, нѣсколько искаженное крыльцо, не гармонирующее совсѣмъ съ остальною постройкою церкви или часовни. Эти церкви вскорѣ же обшиваются и раскрашиваются, крыша, на подобіе крыши мѣщанскаго домика, — красная, куполъ — зеленый или наоборотъ.

Вотъ такимъ образомъ въ нашемъ отдаленномъ краѣ сѣвера начинаетъ утрачиваться и подавляться вся прелесть самобытности и непосредственности въ церковномъ зодчествѣ, въ житьѣ-бытьѣ, въ нравахъ, обычаяхъ, въ домашнемъ быту, въ одеждѣ и въ устройствѣ жилищъ, словомъ, во всемъ замѣчается наклонность къ сокрушенію и уничтоженію старины, всего того, что было когда-то завѣтнымъ, дорогимъ и священнымъ, къ чему съ благоговѣніемъ относились и что чтили. Невольно шевелится тревожная мысль, что настаетъ время окончательнаго уничтоженія и погибели этихъ нѣмыхъ свидѣтелей былого времени. Мнѣ кажется, не надо бы упускать время, и постараться сохранить то, что еще осталось. Если не позаботиться о сохраненіи старины теперь же, понесемъ невознаградимую утрату.

Что же касается внутренней жизни обитателей страны, то разрушается и она. Разнузданность, хищничество, лукавство, пьянство, нерѣдкія убійства, духъ тайной смуты прознали дорожку и въ нашу глухую безмятежную страну. Относительно религіозно-нравственной жизни, то и эта главная сила духовной жизни не имѣетъ должныхъ устоевъ просвѣтлѣнія и поддержки. Несмотря на ихъ видимую набожность, выражающуюся въ массѣ частыхъ построекъ часовень, приписныхъ церквей и еще болѣе часто встрѣчающихся огромныхъ крестовъ, воздвигнутыхъ по нѣскольку въ одной деревнѣ, по дорогамъ, горамъ и въ лѣсахъ, несмотря на эти столь частыя мѣста, напоминающія имъ о Богѣ и вѣрѣ въ Него, живетъ немалая доля и двоевѣрія въ нихъ, и различныя секты идутъ рука объ руку.

Не безъ увѣренности можно сказать, что подавляющее большинство изъ нихъ, кромѣ вѣры въ истиннаго Бога, питаетъ и грѣетъ вѣру въ различныя заклинанія и заговоры, не дѣлая изъ этого особенной тайны. Къ этимъ заговорамъ и заклинаніямъ, на случай избавленія отъ того или иного недуга въ семьѣ или у скотины, сѣверянинъ прибѣгаетъ съ такою же вѣрою и усердіемъ, какъ и къ церкви. Между такими крестьянами существуютъ болѣе или менѣе прославленные жрецы заклинаній и «заговоровъ», священнодѣйственность которыхъ сопровождается высѣканіемъ искры изъ кремня, добываніемъ «деревяннаго» [1]) огня и проч., смотря по роду болѣзни или характерности случая. Тутъ высказывается сила и могущество «жабы» къ человѣку, ея чудодѣйственность, причемъ тутъ же играютъ непремѣнную роль «Илья Пророкъ», «Микола Можайской» и «Егорей Храброй съ копіемъ».

Въ нѣкоторыхъ заговорахъ и заклинаніяхъ играетъ роль тьма ночи, вечерняя и утренняя заря и заря-полуночница. Въ послѣд-

---

1) «Деревянный огонь»—добывается безъ сѣрной спички—путемъ тренія болѣе твердаго дерева объ мягкое. (Береза и сосна). Этому огню придается сила священнодѣйствія.

немъ случаѣ обстановка довольно поэтичная. Это—въ періодъ совершенно свѣтлыхъ ночей на сѣверѣ, когда за полярнымъ кругомъ дѣйствительно какъ-бы нѣтъ ни вечерней, ни утренней зари, такъ какъ обѣ онѣ сливаются въ одну общую зарю, потому что солнце за горизонтъ не закатывается и въ полночь, оно на глазахъ туземца переходитъ отъ вечерней зари въ утреннюю. Такимъ образомъ получается заря-полуночница, называемая «Марея», какъ мнѣ объяснилъ 95-ти-лѣтній старикъ Ефимъ, свѣдущій въ заговорахъ, старикъ еще бодрый, имѣетъ прекрасную память о быломъ житьѣ на сѣверѣ, про которое онъ мнѣ по многу разсказывалъ. Это — сущій полярный Баянъ. Не разъ мнѣ сказывалъ прекрасныя, очень длинныя древне-русскія былины своеобразно ихъ распѣвая, иногда сидя за прялкою и прядя куделю въ своей избѣ. Чудодѣйственность этой зари «Мареи» признается отъ безсонницы у дѣтей. Процедура тутъ довольно простая: въ полночь ребенокъ выносится на улицу и голыми ноженками обращаютъ его къ зарѣ, держа его въ горизонтальномъ положеніи; и при этомъ заговоръ таковъ: «мать честна, полуночница-заря Марея, моего ты младеня не май, не позорь, возьми ты безсонницу и дай ему сну». Причемъ слово «сну» выкрикивается громко и обрывисто.

Здѣсь, конечно, двоевѣріе не такъ сказывается, какъ въ характерномъ случаѣ, который мнѣ приходилось самому наблюдать, и не разъ. Одинъ пожилой крестьянинъ, зажиточный, будучи въ церкви во время обѣдни, ставилъ нѣсколько свѣчъ и при земныхъ поклонахъ, а по окончаніи ея зашелъ къ мужику Никитѣ, свѣдующему въ дѣлахъ избавленія отъ всякихъ хворей у человѣка и у скотины (кліентъ былъ пріѣзжій изъ сосѣдней деревни къ обѣднѣ), и просилъ онъ «дѣльнаго» «Микиту» поѣхать съ нимъ изгонять «хворь» у скотины, да и у жены съ горломъ неладно. Никита соглашается не сразу и, какъ всегда, на условіяхъ никому невѣдомыхъ. И совершается изгнаніе хвори, ногтевой болѣзни, у лошадки и исцѣляется горло у хозяйки ея. При заклинаніи горловой болѣзни играетъ роль жаба въ борьбѣ съ Егоріемъ

Храбрымъ, «Николаемъ Можайскимъ» и пророкъ Илія. Изъ «заговоровъ» и «словъ» народа на случай болѣзни у людей или животныхъ мнѣ нѣкоторыя удалось записать со словъ 95-ти-лѣтняго старика Баяна—Ефима, а именно: «слова» колдовства ногтевой болѣзни, «полуночницу» и отъ горловой болѣзни «слова на жабу».

«Слова» отъ ногтевой болѣзни у лошади. Для этого берется «туясъ» (родъ ведра изъ бересты), наливается туда немного воды, берется рабочій ножъ, которымъ производятся по водѣ, концомъ ножа, крестообразныя движенія, и, стоя предъ больнымъ животнымъ, нашептывается въ эту воду слѣдующее:

«Помнишь ли ты, ноготь, памятуешь ли ты, ноготь, что я тебѣ говорю, въ великій четвергъ, по всѣмъ четвергамъ: отойди ты, ноготь, отъ скотинушки, отъ лошадочки отъ воронухоньки (судя по масти), изъ кости, изъ мяса, изъ суставъ, изъ жилья, изъ ретива сердца, изъ черной печени, изъ хребтовой кости, изъ хвоста въ хвостецъ, изъ хвостеца на сухое древо, на суховерховато, да тамъ тебѣ и мѣсто».

Затѣмъ эта вода, какъ уже заколдованная, выливается на голову животнаго, и если это конь, то покрывается голова его мужскою рубахою, если же кобылица или корова, то женскою рубахою.

Варіанты «заговоровъ» на случай безсонницы у дѣтей и общее ихъ наименованіе: «полуночница».

Заговоръ «полуночницы» на потолокъ избы. Берется на руки ребенокъ и, уставивъ глаза въ потолокъ, говорятъ слѣдующее:

1) «Мать честна полуночница, днемъ играй съ матицей (балка поддерживающая потолокъ), а ночью съ потолочиной, а моего младеня не май и не позорь».

Послѣ окончанія «словъ», ступнями младенца прикасаются къ «матицѣ» потолка.

Заговоръ «полуночницы» въ печку. Въ открытую печь (не топящуюся) говорится съ ребенкомъ на рукахъ:

2) «Каттица (?) полуночница, не играй надъ младенцемъ Иваномъ, играй надъ огнемъ, надъ пламенемъ, надъ третьею печью, да тутъ тебѣ и мѣсто». Послѣ «словъ» ноженками ребенка касаются сажи въ печи.

Заговоръ «полуночницы» на утренней зарѣ. При началѣ утренней зари ребенокъ выносится на улицу (въ поле или на площадь за дома) и говорится:

«Вечерняя заря «Дарья», утрення «Марья», полуночная «Марея», возьми у насъ полуночницу безсонницу у младеня Ивана, а дай намъ сну». При этомъ ребенокъ обращенъ къ зарѣ.

Заговоры отъ горловой болѣзни, называемой «горловы́-слова».

1) «Жаба — ты жаба, ходила ты, жаба, по мхамъ по борамъ, по темнымъ лѣсамъ, по рѣкамъ, по истокамъ, по наволокамъ, по тропамъ, по тропицамъ, по рабамъ, по рабицамъ, по краснымъ дѣвицамъ и нашла ты, жаба, на раба Божьяго Ефима. Взмолится рабъ Божій Ефимъ Миколаю Можайскому. Рабъ Божій Микола Можайскій можетъ тебя водой стопить — вѣчно, вѣчно, вѣчно.

2) Жаба — ты жаба, ходила ты, жаба (и т. д. какъ въ 1-мъ); конецъ: нашла ты, жаба на раба Божьяго Ефима. Взмолится рабъ Божій Ефимъ Егорію Храброму. Егорій Храбрый можетъ тебя копьемъ сколоть и конемъ разъѣхать — вѣчно, вѣчно, вѣчно.

3) Жаба — ты жаба, ходила ты, жаба (и т. д., какъ выше); конецъ: и нашла ты, жаба, на раба Божьяго Ефима. Взмолится рабъ Божій Ефимъ Ильи Пророку. Илья Пророкъ можетъ тебя громомъ убить и стрѣлой застрѣлить. «При упоминаніи имени «Илья» слова «засѣкаются», для чего стальною пластинкою, называемою «огниво», высѣкается изъ кремня искра, такъ чтобъ она до трехъ разъ попала на изображеніе жабы, вырѣзанное изъ бересты. Затѣмъ въ это изображеніе трижды ударяютъ концомъ ножа, произнося при каждомъ ударѣ: вѣчно, вѣчно, вѣчно. Послѣ этого заклинанія, изображеніе жабы опускается въ воду, уже заколдованную въ туясѣ (ведро изъ бересты), и изображе-

ніемъ берется немного воды въ ротъ больного; наконецъ, самое изображеніе жабы привязывается къ горлу больного.

Вотъ каковы образцы заговоровъ и заклинаній, къ которымъ и по сіе время сплошь да рядомъ, съ вѣрою и убѣжденіемъ, прибѣгаютъ крестьяне, обращаясь къ жрецамъ-колдунамъ своихъ суевѣрій.

Самъ же повелитель злыхъ и добрыхъ духовъ ходитъ нерѣдко въ церковь, также ставитъ свѣчи, дѣлаетъ земные поклоны, не отрицаетъ никакихъ обрядностей церкви; и, несмотря на это, онъ можетъ въ тотъ же день, въ случаѣ необходимости, приступить къ своему таинственному колдовству, какъ къ священнодѣйствію, съ одинаковою вѣрою въ него и убѣжденіемъ. Послѣ этого уже не приходится удивляться двоевѣрію въ болѣе острой и грубой формѣ у обитателей пустынныхъ тундръ и дремучихъ лѣсовъ — у самоѣдовъ, у этихъ, можно сказать, еще сравнительно-новичковъ въ православіи. Всѣ они теперь у насъ фактически считаются православными, крещеными. Немало было приложено труда миссіонеровъ православія въ суровой борьбѣ съ язычествомъ самоѣда.

Хотя фактически миссія и удалась, но эта удача, кажется, явилась какъ-бы уступкою добродушнаго и покорнаго самоѣда, а онъ остался самоѣдомъ въ душѣ настолько, пожалуй, насколько и въ своемъ неприглядномъ внѣшнемъ видѣ. Вѣчно кочующая жизнь самоѣда по этимъ тундрамъ безъ конца, безъ края, при полной изолированности его отъ свѣта и всякаго просвѣщенія, съ незапамятныхъ временъ, создала и зародила въ душѣ самоѣда свои непосредственныя представленія о высшемъ духѣ, свои образы, свою религію — религію шаманства, которая едва ли раньше умретъ, какъ съ вырожденіемъ самой расы самоѣдовъ. Православіе и культура въ нихъ не можетъ воплотиться и привиться уже потому, что они почти совсѣмъ не имѣютъ связи и сношенія съ христіанскимъ міромъ, такъ какъ лишь разъ въ годъ меньшинство изъ нихъ выбирается изъ нѣдръ своихъ тундръ въ нѣкоторые болѣе или менѣе зажиточные и торговые пункты на

рѣкахъ Мезени и Печеры, потому что они вывозятъ продукты различныхъ промысловъ и устраиваютъ первобытнаго характера мѣновую торговлю. Это ихъ главная и единственная цѣль, по необходимости, появленія среди русскихъ жителей.

По окончаніи своихъ дѣлъ они остаются среди чуждой имъ жизни, расположившись со своими стадами оленей и скарбомъ на ближайшихъ къ русскимъ селеніямъ большихъ мшистыхъ болотахъ, но изъ этихъ близкихъ становищъ они рѣдко и безъ особенной охоты выѣзжаютъ въ деревни. Это кратковременное пребываніе между русскими и полное отсутствіе тяготѣнія къ нашей жизни, конечно, не можетъ существенно влiять и способствовать развитію въ нихъ ни православной религіи, ни культуры; къ тому же никто за этимъ и не слѣдитъ, не интересуется, и самоѣдъ остается «самоѣдомъ» при всей затаенности въ его душѣ религіи шаманства.

Благодаря простодушію и довѣрчивости самоѣда, нынѣ всѣ ихъ крупныя богатства оленеводства перешли за безцѣнокъ во владѣніе ловкихъ и смышленыхъ зырянъ. Такимъ образомъ самоѣдъ — теперь неоплатный должникъ и безотвѣтный работникъ зырянина [1]). Какъ безотвѣтный и очень полезный работникъ не только зырянина, онъ и вообще незамѣнимая рабочая сила при исключительныхъ климатическихъ условіяхъ нашего суроваго крайняго сѣвера. Какъ ближе всѣхъ стоящій къ стихійностямъ края, онъ необыкновенно спокоенъ, равнодушенъ, терпѣливъ и до крайности выносливъ.

Возвратясь къ его религіозному культу, я приведу здѣсь не безъинтересные характерные случаи двоевѣрія у самоѣда. Онъ православный христіанинъ, но чувства вѣры православной, со-

---

1) Зыряне — ближе къ монгольско-финскому племени, живутъ осѣдло, располагаясь по берегамъ р. Печеры и ея притоковъ. Какъ и великоруссы, занимаются хлѣбопашествомъ, рыбнымъ промысломъ, звѣроловствомъ и оленеводствомъ. Ихъ торгово-промышленность въ сильной связи съ самоѣдами, и настолько, что многіе самоѣды, кромѣ своего языка, знаютъ и зырянскій и также зыряне знаютъ самоѣдскій, кромѣ своего зырянскаго. Вѣроисповѣданіе — православные христіане.

знанія и убѣжденія, въ немъ и не почевало. Обрядности новой и темной для него религіи совершаются имъ главнымъ образомъ изъ чувства боязни преслѣдованія его со стороны начальства, котораго онъ почти совсѣмъ не видитъ.

Семейная жизнь его съ юношескаго возраста почти всегда начинается гражданскимъ бракомъ. Живутъ такъ годами въ семьѣ своихъ родителей, притомъ очень мирно и благодушно, и всѣ въ одномъ шалашѣ, въ своемъ «чуму». Никто никому не предъявляетъ ни претензій, ни упрековъ. Напротивъ родители молодого парня-самоѣда очень довольны, что въ ихъ семьѣ, благодаря ему, появилась новая сотрудница семьи, другъ ихъ сына и, можетъ быть, будущій постоянный членъ семьи. Я говорю: будущій, потому что по ихъ нравамъ взрослый сынъ семьи можетъ взять себѣ въ домъ дѣвушку-самоѣдку, обыкновенно съ согласія ея родителей, на правахъ законнаго супруга, на неопредѣленное время, или, какъ они выражаются: «на подержку», т. е. пока она не обнаружитъ всѣхъ способностей будущей жены, хозяйки и даже матери. И въ случаѣ оказавшейся пригодности ея (не меньше обыкновенно какъ черезъ годъ) для семейной жизни, родителямъ ея торжественно объявляется, что ее «взять можно»; тогда устраивается предварительное своеобразное вѣнчаніе (дикая ѣзда на оленяхъ вокругъ «чума»), долгое пьянство и свадьба.

При случаѣ же вѣнчаются и по православному. Иногда это такъ долго откладывается, что дѣти ихъ крестятся 2-хъ, 4—5 лѣтъ, и къ этому родители относятся совершенно равнодушно.

Въ церковь они заходятъ въ сущности изъ подражанія другимъ, т. е. русскимъ. Все это для нихъ — дѣло русской религіи, довольно темное, и не могутъ они пока еще имѣть къ ней особаго расположенія.

Для нихъ положительно не представляется разницы между Христомъ и святыми. Значеніе поста они никакъ понять не могутъ и потому совершенно не придерживаются его. Мнѣ воочію приходилось убѣдиться, что самоѣдъ можетъ молиться въ

церкви, ставить иконамъ свѣчи, дѣлать земные поклоны и даже заказывать молебны. Даже проявляется имъ набожность и тогда, когда, проходя мимо церкви, часовни и креста, онъ, останавливаясь, широко осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ. Случаи, конечно, подобные—рѣдки, но бываютъ, да кто знаетъ, какъ ихъ тутъ понять. Можетъ быть, самоѣдъ въ глубинѣ души своей потому и склонился къ православію, что ему показалось, что Богъ у всѣхъ одинъ и что русскіе тоже Кого-то знаютъ и Его боятся, любятъ, вѣрятъ и слушаютъ, какъ и мы, только все совсѣмъ по другому. А такъ какъ русскихъ много, а насъ, самоѣдовъ, вовсе мало, то чтобъ избавиться отъ ихъ притѣсненій и наказаній и пришлось согласиться, ничѣмъ не рискуя, благодаря своей летучей жизни по нескончаемымъ тундрамъ.

Итакъ, самоѣдъ предъ отправкою на дальніе промыслы, въ высшемъ случаѣ проявленія своего религіознаго духа, обращается къ священнику съ просьбою отслужить молебенъ, послѣ котораго снова возвращается въ «чумъ».

Отправляясь изъ «чума», несмотря на только что отслуженный молебенъ, будучи не въ состояніи побороть въ себѣ чувства шаманской религіи, онъ во имя ея совершаетъ безмолвно кровную жертву, которая выражается въ слѣдующемъ: берется простой колъ, одинъ конецъ котораго заостряется, а на другомъ дѣлается небольшая плоскость, на которой пяткою топора онъ быстро производитъ четыре зарубки въ такомъ расположеніи направленія, въ какомъ глаза, носъ и ротъ; затѣмъ колъ этотъ вбивается въ землю, приблизительно до половины. Такимъ образомъ изображеніе лично представляемаго божества готово. Такое божество самоѣды въ русскомъ разговорѣ называютъ «болванами» [1]). На ихнемъ же языкѣ Богъ называется «сядай». Вы видите, какъ мало требуется для удовлетворенія его религіознаго чувства. Но

1) Но такъ какъ шаманская религія повелѣваетъ поклоняться высшему существу, подъ властію котораго находится много геніевъ, то самоѣды при жертвоприношеніяхъ и устанавливаютъ сперва большого «болвана» — идола, а вокругъ его маленькихъ «болванчиковъ» или «сядай» (по-самоѣдски).

если чувство потребуетъ жертвы, то также скоро и просто удовлетворяется и этотъ религіозный порывъ. Самоѣда не остановитъ сознаніе, что онъ принадлежитъ къ православной церкви, гдѣ онъ ставитъ свѣчи, служитъ молебны,—чтобы принести кровную жертву предъ собственнымъ произведеніемъ божества — идола, для чего онъ беретъ собаку, а иногда и оленя (въ зависимости отъ важности дѣла и обстоятельствъ). Несчастное животное закалывается ловко привычною рукою и въ распоротую часть глубоко запускается кисть руки, посредствомъ которой и вымазывается парящейся кровью только что изображенное имъ самимъ божество; и тогда со спокойною совѣстью отправляется онъ въ путь-дорогу. Были случаи между богатыми и сравнительно просвѣщенными самоѣдами такого рода: отправился самоѣдъ въ монастырь помолиться, тамъ онъ даже исповѣдался и причастился и сдѣлалъ посильный денежный вкладъ, но, возвращаясь домой, проѣзжая по тундрѣ, онъ не могъ не привернуть на самоѣдское «капище» для отдачи долга по совѣсти и своему богу тундръ, изъ боязни не навлечь на себя гнѣвъ его, такъ какъ съ нимъ приходится чаще считаться. Здѣсь мнѣ невольно хочется разсказать интересный случай жертвоприношенія, котораго свидѣтелемъ я былъ въ дѣтствѣ, рѣзко запечатлѣвшійся въ моей памяти.

Моему отцу, который въ этомъ краѣ прожилъ священникомъ пятьдесятъ лѣтъ, не разъ приходилось крестить, вѣнчать и напутствовать самоѣдовъ.

Однажды, что врѣзалось въ моей памяти, произошло слѣдующее: подъѣзжаетъ къ нашему дому на пятеркѣ отважныхъ и лихихъ оленей давно знакомый намъ почтенный самоѣдъ Анисимъ. Самоѣдъ сравнительно богатый, т. е. по мѣстному имѣющій нѣсколько сотъ оленей. Олени, санки и упряжь разукрашены массою лентъ изъ оленьей и собачьей кожи и окрашены ихъ же кровью. Эта парадная упряжь говорила о торжественности случая. И дѣйствительно Анисимъ пріѣхалъ просить моего отца поѣхать въ чумъ крестить ребенка. Отецъ поѣхалъ, взявъ

и меня прокатиться до чума. Словно вихремъ понесли насъ лихачи-олени верстъ за 25 въ лѣсъ и быстро доставили къ становищу самоѣда у тундры. Цѣлый ураганъ снѣга изъ подъ копытъ несущихся оленей толстымъ слоемъ покрылъ наши спины (мы были одѣты въ «малицахъ») и легкія высокія санки, на которыхъ мы сидѣли словно въ сугробѣ снѣга во время разбушевавшейся снѣжной метели. Ближе къ чуму въ лѣсу встрѣчались группами рослые олени, грызя кору деревьевъ или разрывая глубокій снѣгъ своими копытами, чтобъ добыть себѣ пищу — мохъ. У самаго чума насъ встрѣтила сперва цѣльная свора мохнатыхъ собакъ со звонкимъ веселымъ лаемъ, на который вылѣзли сами хозяева, сбоку набокъ переваливаясь своей неуклюжей походкою, по своему привѣтливо подходили къ намъ, здоровались и провожали въ чумъ.

Вдали за чумомъ по пустынному мѣсту разбрелось въ разныя стороны огромное стадо (оленей) Анисима. Въ чуму самомъ былъ видимо наведенъ порядокъ, прибрано, разосланы лучшія шкуры оленей, на которыхъ мы потомъ и возсѣдали. Въ противоположной входу стѣнѣ были приспособлены на полочкѣ образа. Постепенно приступили къ крещенію. Купелью служила небольшая бочка изъ подъ рыбы, а вода въ ней — растаянный снѣгъ. Послѣ крещенія послѣдовало радушное угощеніе, какъ надо по мѣстному обычаю, сперва чай въ котлѣ заваренный, а затѣмъ уже ѣда, которая состояла, главнымъ образомъ, изъ сырыхъ и вареныхъ рыбъ, щи изъ тетеры и мясо ея, сырое, замерзшее мясо оленя и прекраснѣйшая морошка. Собираясь домой, мнѣ очень захотѣлось остаться погостить. Отецъ согласился и уѣхалъ, а я остался и прогостилъ у самоѣдовъ, кажется, около недѣли въ чуму. На слѣдующій день пріѣхала къ Анисиму его родня и гости самоѣды на нѣсколькихъ, тоже нарядныхъ, санкахъ. Помню, какъ потомъ по данному знаку собаки поскакали съ лаемъ въ стадо оленей и что-то очень скоро у самаго чума собралась большая группа оленей, изъ которыхъ хозяинъ выбралъ одного молодого оленя, накинулъ арканъ и отвелъ въ сторону; осталь-

ные снова разгорелись. Съ избраннымъ оленемъ Анисимъ что-то продѣлывалъ. Вскорѣ разыгралась сцена, совершенно тогда для меня непонятная. Я увидалъ, какъ красавецъ олень уже лежалъ на спинѣ между двухъ обрубковъ бревенъ съ распоротымъ животомъ отъ самаго горла, а голова его, съ вѣтвистыми рогами, висѣла высоко на суку сосны, по которой струилась кровь. Гости толпились и что-то выкрикивали на своемъ языкѣ. Затѣмъ они всѣ усѣлись вокругъ лежащей вверхъ ногами, съ распоротымъ животомъ, оленьей туши. Кто съ ножемъ въ рукѣ, кто съ ложкою, съ хлѣбомъ и чашкою. Каждый глубоко запускалъ свои руки въ нѣсколько развороченную тушу несчастнаго оленя, изъ нутра котораго черпали чашками и ложками кровь, пили ее. заѣдая хлѣбомъ, вырѣзали тамъ (внутри) куски мяса и, взявшись зубами за часть куска, отрѣзали ножемъ у самыхъ губъ. При этомъ сильно пили водку (до которой они такъ падки); упившись ею, они уже потомъ подходили къ трупу оленя и, не ища ложки или чашки, прямо нагибаясь къ тушѣ, пили въ ней кровь. Причемъ, конечно, всѣ страшно перемазали въ крови одежду, бороду и физіономіи, не говоря уже о рукахъ, которыми всѣ такъ усердно работали. Лужи крови обступали собаки, тоже измазавшіяся въ крови, а не подалеку отъ мѣста торжественнаго угощенія, собаки рвали и отчаянно дрались, дѣля доставшуюся на ихъ долю часть.

На приглашеніе ихъ сѣсть съ ними я побоялся и, кажется, только потому, что ихъ было много и все больше незнакомые, да и притомъ пьяные. Но тѣмъ не менѣе не обошлось безъ того, чтобъ и мнѣ не раздѣлить эту трапезу. Изъ чайной чашки я пилъ теплую кровь, заѣдая вкусною морошкою и хлѣбомъ, ѣлъ мелко изрубленное сырое мясо, тоже съ хлѣбомъ и морошкою. Насколько помнится, отвращенія къ этому угощенію у меня не было. Впослѣдствіи оказалось, что угощаясь, я принималъ активное участіе кровнаго жертвоприношенія шаманскому богу, богу тундръ, лѣсовъ и вѣтровъ. Прикрѣпленіе головы оленя на высокую сосну было главнымъ актомъ ихъ священнодѣйствія.

Здѣсь невольно приходится упомянуть, что прикрѣпленіе крестьяниномъ оленьихъ роговъ на крышу фасада своего дома, какъ-бы для украшенія, есть въ сущности остатокъ обряда языческой религіи на сѣверѣ. Процессъ съѣданія оленя заживо происходилъ какъ своего рода обрядность, совершаемая въ честь семейнаго торжества, въ связи съ религіознымъ міросозерцаніемъ ихъ.

Подобныя пирушки задаются также и во время свадьбы.

Когда приходилось пожить съ самоѣдами, то я слыхалъ отъ нихъ что «вашъ Богъ хорошъ и въ церкви Его порато баско (т. е. очень красиво), а ужъ если поживешь съ нами въ тундрахъ, да въ лѣсахъ, то знать того бога, который эттаки (здѣсь) живетъ, будешь и поклоняться ему, и лютъ же онъ бываетъ, коли не поклонишься, да не угодишь ему. Онъ свое ведетъ и намъ отъ него уйти некуда». Таково міровоззрѣніе нашего самоѣда. (Мнѣ пришлось снять фотографію съ трехъ самоѣдскихъ идоловъ и съ шаманскаго священнаго бубна).

Сектанство въ нашемъ краѣ процвѣтаетъ; въ сущности всѣ секты сводятся къ разновидности раскола и разнохарактерность ихъ зависитъ отъ степени своеобразности представленія о сути религіи основателемъ той или иной секты. Изъ этихъ сектъ — секта «бѣгуновъ или скрытниковъ» служитъ наиболѣе зловреднымъ явленіемъ нашего края. Она тайно похищаетъ и увлекаетъ лучшія силы семьи въ лицѣ взрослой дочери и сына — надежду семьи, и иногда дѣтей, запрещая имъ всякія повиновенія власти и признаніе ея и внушая имъ своеобразное понятіе словъ заповѣди «не сотвори себѣ кумира» и отрицаніе царской власти. Нѣкоторые мужики со слезами на глазахъ посвящали меня въ свое неутѣшное горе о таинственно пропавшемъ безъ вѣсти сынѣ или дочери. Секта эта гнѣздится въ разныхъ мѣстахъ края и по слуху распространяется не безуспѣшно. Другая секта — секта австрійская, поглощаетъ также темныхъ поселянъ. Вотъ эти-то секты и составляютъ больное мѣсто и зло жизни въ нашей глуши.

Въ заключеніе я добавляю, что по части храненія въ себѣ сокровищъ старины играетъ роль не только нашъ сѣверо-восточный край въ лицѣ представителей, отчасти Пинеги, а главное Мезени и Устьцыльмы (Печерскій), но и сѣверо-западный въ лицѣ представителей Онеги, Кеми и Колы, а къ югу — Холмогоры и Шенкурскъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ небольшой въ Архангельскѣ музей, называемый «Древлехранилище»; иниціаторъ музея и усердный радѣтель — бывшій преподаватель мѣстной Духовной Семинаріи Іустинъ Михайловичъ Сибирцевъ. Онъ ревностно заботится и дѣлаетъ все, что позволяютъ скромныя средства музея для его расширенія и увеличенія количества предметовъ, разносторонне свидѣтельствующихъ о далекомъ прошломъ всего Архангельскаго края.

По нѣкоторымъ причинамъ и обстоятельствамъ я долженъ былъ пріостановить свои занятія въ нашемъ краѣ и отправиться обратно въ Петербургъ, ограничившись пока для общаго ознакомленія набросками, фотографическими снимками по части церковныхъ построекъ и утвари, жилищъ, типовъ и этнографическихъ особенностей, да собравъ коллекцію предметовъ по этнографіи, главнымъ образомъ костюмовъ древне-московскаго и новгородскаго характера — парчу, штофъ, шелкъ.

Всю эту коллекцію и многіе предметы по этнографіи пріобрѣлъ Музей этнографіи и антропологіи имени Петра I-го при Академіи Наукъ. Проѣзжая по сѣверному краю, я составилъ дневникъ, въ которомъ отмѣчалось, гдѣ что находится и что меня занимало и поражало. Выяснилъ и опредѣлилъ маршрутъ по разнымъ направленіямъ края, гдѣ и когда слѣдуетъ побывать, когда я выѣду въ слѣдующій разъ на окраины сѣвера, гдѣ есть надъ чѣмъ много поработать съ большимъ интересомъ.

На обратномъ пути меня застала зима, нынѣ почему-то запоздалая, начинающаяся у насъ обыкновенно въ началѣ сентября. Въ юго-западномъ направленіи отъ насъ къ гор. Архангельску приходится проѣзжать на лошадяхъ около шестисотъ верстъ. Дорога эта не столь худа, какъ скучна и утомительна. Здѣсь

подъ конецъ невольно хочется упомянуть о нѣкоторой характерной особенности зимняго пути. Покидая край, уже сразу начинаешь видѣть, убѣждаться и болѣе сутокъ испытывать отдаленность и отрѣзанность нашего края отъ всей остальной части безпредѣльной Россіи, т. е. сразу же отъ лѣваго берега рѣки Мезени въѣзжаешь въ густой дремучій лѣсъ, и какой же это тоскливый путь, какъ вѣковая преграда просвѣта, которая тянется — по длинѣ, что китайская стѣна, на всемъ протяженіи Мезенско-Печерскаго края, имѣя полосою отъ ста и до 3-хъ сотъ верстъ ширины, а въ томъ мѣстѣ, по которому пролегаетъ дорога, шириною болѣе ста верстъ. Не имѣетъ она на своемъ протяженіи даже ни единаго поселка, кромѣ какъ черезъ нѣсколько верстъ маленькіе домики почтово-земской станціи и ветхія тоже маленькія избушки, чуть не до крыши ушедшія въ землю—то помѣщеніе для дневки этапа. Дорога эта сквозь дремучій лѣсъ называется «Тайбола», по которой мнѣ еще въ дѣтствѣ приходилось проѣзжать взадъ-впередъ много-много разъ.

И что только на мысль ни придетъ, когда проѣзжаешь больше ста верстъ лѣсомъ и ничего-то, ничего, кромѣ высокаго лѣса въ снѣгу, не созерцаешь и даже никого не встрѣчаешь. Однако на протяженіи послѣдняго перегона станцій угнетающей «Тайбольской дороги» со мною произошелъ слѣдующій случай. Ямщикъ мой, нѣсколько пріостановивши пару своихъ усталыхъ лошадокъ, сталъ осторожно съѣзжать въ сторону дороги и возлѣ ея остановился довольно глубоко въ снѣгу, давши дорогу тяжело тянувшемуся на встрѣчу каравану путниковъ. Дорога была настолько тяжела или, какъ у насъ выражаются, «бро́дна», что намъ не столько пришлось ѣхать рысью, сколько лошади брели шагомъ. Лишь только мы и прослѣдили нѣсколько дорогу встрѣтившимся.

И вотъ мимо насъ, словно заунывная похоронная процессія, тянется медленно караванъ въ нѣсколько лошадей и саней, въ которыхъ сидѣли большею частью женщины, видимо не туземки, сильно укутавшись и укрывшись различными крестьянскими кафтанами и тулупами.

Въ однѣхъ изъ саней глухо слышался плачъ съ кашлемъ грудного ребенка. Позади послѣднихъ саней по липкому снѣгу, молча, брела усталою походкою, понуривъ головы, группа легко одѣтыхъ молодыхъ и среднихъ лѣтъ людей. Лица ихъ интеллигентныя, удрученныя, а нѣкоторые изъ нихъ не разстались еще и со студенческою фуражкою, виднѣющеюся изъ подъ кавказскаго башлыка, которымъ укутана голова. А снѣгъ-то, снѣгъ, словно въ силу впечатлѣнія, такъ валитъ съ высоты небесной, медленно и густо большими липкими хлопьями, что на болѣе значительномъ разстояніи, пожалуй и не замѣтилъ бы эту печальную процессію.

Безотрадную картину встрѣчи дополняли сопровождающіе путниковъ солдатики съ ружьями. То былъ этапъ, опять направляющій кого-то и за что-то въ глухія дебри нашего холоднаго и предѣльнаго края. Вотъ уже рядъ вѣковъ простояли и нынѣ угрюмо стоятъ дремучіе лѣса «Тайболы», какъ безмолвные часовые, свидѣтельствующіе каждый разъ прохожденіе этихъ невольныхъ путниковъ, будто сквозь строй ихъ.

Когда процессія кончилась, мой ямщикъ, бодрый старичекъ, снова выбрался на дорогу, очистилъ отъ снѣга лошадей, повозку и полозья, сильно облипшіе, и, встряхнувъ снѣгъ со своего тулупа, усѣлся на облучекъ; и мы легко и бойко съ колокольчикомъ поѣхали по хорошо протоленной этапомъ дорогѣ дальше. Тутъ ямщикъ сталъ сѣтовать на свою ямщицкую нынѣ судьбу: «Н-да, а сладу баринъ нынѣ не стало нашему брату, вовсе невмоготу пришло, шибко же плохи дѣла стали и все хуже да хуже. Цѣны содержательскія вовсе пали — сбиты, а кормъ-отъ лошадей дороже сталъ, да и нѣтъ его, потому надѣлъ луговой земли малъ, да и плохой; про овесъ мы и не знаемъ. А по нашему холодному мѣсту урожаи не одинаковы и не ровны. Иногда годъ бываетъ шибко тяжелъ. А проѣзжающихъ-то вишь (видишь) вотъ сколько везутъ, показывая кнутомъ на удаляющійся этапъ, какая опять потреба лошадей будетъ, легко сказа-ать», протяжно выговорилъ старикъ, задумавшись. «И мы вѣдь ихъ должны везти даромъ, да

и нынѣ какъ-то больно часто приходится этотъ этапъ, то туда ихъ вези, то назадъ другіе ѣдутъ, а денежные (платные) проѣзжающіе — вовсе рѣдко. Коней-то держать мы больше 4—5 не можемъ, ну и постоянно въ разгонѣ, а случись проѣзжій чиновникъ по дѣламъ, мировой или кто иной, торопится, а коней-то и нѣтъ. Горячится, жалобу норовитъ писать. Значитъ, еще и штрафъ будетъ. Ну и нанимать приходится лошадей у сосѣда. Такъ ужъ не подъ силу стало, что и не говори, братъ. На сходу̀ отказаться ладимъ. Богъ съ ней, и съ наживой этой. Мы думали, подати легче будетъ платить да аккуратнѣе, а вмѣсто того маяту̀ принимаемъ, расходы не подъ силу. Хозяйство-то упущено, а грѣха-то сколько». И мой ямщикъ, старикъ, понуря голову, какъ-то сразу, словно подавленный, замолчалъ и уже больше не говорилъ да самой станціи — лишь ласково проявлялъ свое состраданіе своимъ лошадкамъ, этимъ безотвѣтнымъ работникамъ и спутникамъ его отвѣтственной жизни.

Этотъ послѣдній станціонный перегонъ «Тайболы» кончается уже деревнею на высокомъ правомъ берегу рѣки Пинеги, по направленію теченія которой лежитъ дальнѣйшій путь къ Архангельску. Сотни верстъ невеселая дорога пролегаетъ то по тому, то по другому берегу рѣки Пинеги, вплоть до впаденія ея въ Сѣверную Двину, что̀ въ 90 верстахъ отъ Архангельска. На этомъ пути попадаются нѣкоторыя характерныя постройки домовъ, однородныхъ съ мезенскими, но съ нѣкоторыми особенностями.

Что же касается церковнаго древняго зодчества, то имъ можетъ гордиться только городъ Пинега, гдѣ старинный каменный соборъ съ колокольнею, а въ 15 верстахъ отъ него почтенная старина — Красногорскій монастырь, красующійся на высокой-высокой горѣ, окруженный лѣсами, на правой сторонѣ рѣки Пинеги, какъ и самъ городъ.

Далѣе этотъ путь къ Архангельску, уже перебравшись черезъ С. Двину, меня привелъ въ городъ Холмогоры, противъ котораго не подалеку виднѣется длинное село, на красной невысо-

кой щели-утесѣ — то родина и колыбель дѣтства великаго холмогорскаго крестьянина Михаила Васильевича Дорофеева, прозваннаго Ломоносовымъ. Въ Холмогорахъ невольно поразилъ мое вниманіе каменный древній Спасо-Преображенскій соборъ, въ особенности колокольня. Дѣло въ томъ, что когда на сѣверѣ открылась епархія, то епископство имѣло свою постоянную резиденцію въ г. Холмогорахъ (нынѣ уѣздный городъ Архангельской губ.). И первый пріѣхавшій туда въ 1682 году архіепископъ былъ Аѳанасій, популярный своего времени, весьма энергичный дѣятель и просвѣщенный человѣкъ. Это тотъ самый Аѳанасій, который въ 1682 году (за полгода до поѣздки его въ Холмогоры), за умное обличеніе раскола на соборѣ, едва не былъ убитъ своими противниками, а главный изъ нихъ Никита Пустосвятъ, разъяренный и дойдя до изступленія, бросился на Аѳанасія и вырвалъ ему бороду. Такимъ образомъ архіепископъ и оставался безъ бороды до послѣднихъ дней своего плодотворнаго бытія (т. е. 20 лѣтъ).

Аѳанасій засталъ въ Холмогорахъ ветхую XIV—XV вѣка деревянную церковь. Собравшись съ силами и средствами, онъ выстроилъ сперва прекрасную каменную колокольню для будущаго каѳедральнаго собора, который также вскорѣ былъ начатъ (1685 г.) и законченъ въ 1691 году. За неимѣніемъ средствъ онъ новый каменный и уже каѳедральный соборъ украсилъ иконостасомъ дряхлой предшественницы деревянной церкви. Черезъ два года послѣ освященія въ 1693 году осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ г. Холмогоры (въ іюлѣ мѣсяцѣ 28) двадцатилѣтній императоръ Петръ I-й, совершая первое свое путешествіе на сѣверъ. При входѣ съ архіепископомъ Аѳанасіемъ въ соборъ, великій царь былъ настолько удрученъ ветхостію и убожествомъ иконостаса, что приказалъ выдать изъ двинскаго таможеннаго сбора триста рублей на золото, серебро и краски.

Недолго думая, энергичный преосвященный приступилъ къ дѣлу, и не прошло двухъ лѣтъ, какъ уже на мѣстѣ стоялъ новый иконостасъ, о которомъ въ описи сказано: «свицарскаго и фля-

мованнаго столярнаго добраго самаго знатнаго художества». Строился «всеусерднымъ тщаніемъ и указомъ» самого преосвященнаго.

Самый иконостасъ хранится и по сіе время, но къ сожалѣнію, на колоннахъ, на базикахъ, капителяхъ и прочей рѣзьбѣ, вмѣсто бывшей позолоты, «съ росписаніемъ краски ярью и баканомъ виницейскимъ зѣло узорочно», — (въ 1858 году и вторично въ 1883 году) покрыто новой гладкой позолотой, а тѣло иконостаса перекрашено, иконы не тронуты, но фонъ изображеній вмѣсто бывшей «празелени» выкрашенъ сѣрою краскою.

Не переставая заботливо улучшать свой храмъ, Аѳанасій въ 1696 году устраиваетъ каменную теплую паперть съ сѣверной стороны собора, а въ соотвѣтствіе ея была выстроена паперть и съ южной стороны. Въ 1698 г. раскрашивается «разными красками зѣло узорочно» западная паперть и на трехъ входныхъ дверяхъ ея изображены разные священно-историческіе сюжеты, а на сводѣ притвора изображено «небесное движеніе солнца и луны и звѣзднаго теченія образъ». О наружномъ видѣ собора свидѣтельствуетъ описаніе въ 1701 году такъ:

«Та церковь о пяти главахъ великихъ, тѣ главы обиты чешуею, на тѣхъ главахъ поставлены кресты четвероконечные желѣзные прорѣзные, а подъ тѣми главами, со внѣшнюю страну тоя соборныя церкви, около шей поясы и окны и около оконъ валы, и церкви всѣ закомарины и верхнія окны и средній поясъ и нижнія окны и лопотки и поясъ, и съ вонную страну у алтаря окна же и поясъ, все расписано разными красками изъ масла... А покрыта та соборная церковь закомарины всѣ чешуею, а средина тесомъ на четыре страны. И межъ закомаринами и по угламъ учинены прорѣзные виски и тѣ виски выкрашены краскою изъ масла»....

Добившись упорствомъ полнаго благоустройства собора, энергичный и мудрый архіепископъ Аѳанасій въ 1702 году, въ ночь на 6-е сентября, скончался и былъ похороненъ въ храмѣ

своего творенія. Съ тѣхъ поръ и понынѣ этотъ соборъ служитъ усыпальницею преосвященныхъ Архангельской епархіи.

(Каѳедра же архіерейская была перенесена изъ Холмогоръ въ Архангельскъ въ 1762 году, т. е. чрезъ 60 лѣтъ послѣ смерти Аѳанасія).

Со смерти автора собора немало произошло перемѣнъ въ немъ. Уже черезъ 13 лѣтъ (въ 1715 году) архіепископъ Варнава сѣверную теплую паперть превратилъ въ придѣлъ (въ честь св. Андрея Первозваннаго), который просуществовалъ до нынѣшняго теплаго собора (1759—1761 г.). Около того же времени была разобрана и южная паперть.—Въ 1759 г. уже опять новымъ архіепископомъ Варсанофіемъ были увеличены окна собора по архитектурѣ того времени и рамы изъ слюды замѣнены «гамбургскими стеклами». И тогда же внутри собора были передѣланы нѣкоторыя колонны. Въ концѣ XVIII-го столѣтія погибла и западная паперть съ ея изображеніями и замѣнена новою, меньшею по размѣру.

Въ 1816—17 г. главы и крыша собора были перекрыты листовымъ желѣзомъ, причемъ закомарины и углы подъ крышею были забиты досками въ уровень со стѣною. Въ 1821 г. покрылись желѣзомъ и крыши паперти и алтаря; послѣдняя, покрытая ранѣе тремя «кубами», была сдѣлана плоскою. И наконецъ, кажется, съ 1890 года на южной стѣнѣ собора образовалась трещина по направленію сверху внизъ; она увеличивается съ каждымъ годомъ и по сіе время и не дошла до земли саженей 2-хъ; и беретъ страхъ, быть можетъ, за недалекое печальное будущее этого историческаго собора, творенія архіепископа Аѳанасія при участіи царя Россіи Петра I-го Алексѣевича, во мнѣніи котораго Аѳанасій настолько былъ высокъ, что онъ мѣтилъ его въ патріархи, а предъ сраженіемъ со шведами при Архангельскѣ царь посвятилъ его въ интересы этой войны и часто совѣтовался съ нимъ. Своими совѣтами и указаніями Аѳанасій весьма существенную услугу оказалъ при нападеніи шведовъ на Архангельскъ 24-го іюля 1701 года воеводѣ князю

Прозоровскому. Во всѣ три раза посѣщенія Петромъ I Архангельска, императоръ дружелюбно бесѣдовалъ и совѣтовался съ Аѳанасіемъ. Разъ царь даже самъ черезъ широкую Сѣверную Двину перевезъ въ своемъ «шлякѣ» (судно) архіепископа. Онъ подарилъ ему карету въ 100 р., стругъ, на которомъ Петръ I-й пришелъ изъ Вологды въ Холмогоры, и еще подарилъ три пушки на вертлюгахъ, взятыя со шведскаго фрегата при нападеніи на Архангельскъ.

Голландскій путешественникъ Корнелій де-Бруинъ, посѣщая Холмогоры, былъ очень гостепріимно принятъ Аѳанасіемъ, и въ своихъ замѣткахъ онъ говоритъ о немъ, какъ о высоко-просвѣщенномъ и очень умномъ человѣкѣ и какъ о большомъ любителѣ искусствъ. На видъ ему показался, говоритъ де-Бруинъ, лѣтъ 50-ти. Родомъ этотъ архіепископъ — сибирякъ, въ юношествѣ былъ самъ раскольникомъ.

Таково историческое прошлое этого интереснаго собора съ его глубокими древностями, которыми мнѣ за недостаткомъ времени въ этотъ разъ, къ сожалѣнію, не пришлось заняться болѣе спеціально, и я поспѣшилъ въ Архангельскъ, до котораго проѣхалъ отъ Холмогоръ въ одну ночь. Днемъ я еще разъ заглянулъ въ «древлехранилище» Архангельска, кое-что успѣлъ сфотографировать въ немъ, и вечеромъ того же дня я уже съ вокзала отправился по желѣзной дорогѣ въ С.-Петербургъ, облегченно вздохнувъ въ вагонѣ, что путешествіе мое пока кончилось, и тутъ-то появилось желаніе и созрѣла мысль, какъ подѣлиться мнѣ своими путевыми впечатлѣніями и наблюденіями съ сочленами, товарищами и вообще съ тѣми, кто интересуется сѣвернымъ краемъ и его жизнью.

С.-Петербургъ. 1905 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Н. А. Шабунинъ. Академика *Н. П. Кондакова.*